

Журнал "РЕЦ"
№ 44, июнь 2007

"НОВЫЙ ЭПОС"

Выпускающие редакторы:
Арсений Ровинский,
Федор Сваровский

Содержание

- [Предуведомление](#)
- [Федор Сваровский, Несколько слов о "новом эпосе"](#)
- [Леонид Шваб](#)
- [Виктор Полещук](#)
- [Мария Степанова](#)
- [Сергей Круглов](#)
- [Андрей Родионов](#)
- [Павел Гольдин](#)
- [Дмитрий Шкарин](#)
- [Линор Горалик](#)
- [Борис Херсонский](#)
- [Сергей Тимофеев](#)
- [Анатасия Афанасьева](#)
- [Ренат Гильфанов](#)
- [Павел Настин](#)
- [Канат Омар](#)
- [Мария Глушкова](#)
- [Марина Астина](#)
- [Об авторах](#)

Издатель: арт-группа "РЦЫ", Калининград
<http://polutona.ru>

Редакция:

Павел Настин - координатор проекта, редактор
trishna@yandex.ru

Ирина Максимова - дизайнер, редактор, корректор
irimax@yandex.ru

Верстка номера: Павел Настин

©2007

Все права принадлежат авторам опубликованных материалов
Все материалы опубликованы с личного согласия авторов
Благодарим Дмитрия Кузьмина за предоставленные подборки
стихотворений Виктора Полищука и Сергея Круглова

Предуведомление

Редакторы не включили в состав "новоэпического номера" журнала РЕЦ самих себя (из скромности), тексты Кирилла Медведева (согласно его духовному завещанию), а также еще нескольких замечательных эпических поэтов, о которых они просто забыли. Простите нас. Во многом недостатки данной антологии объясняются тем, что составители - люди одновременно очень ленивые и занятые. Однако ни лень, ни занятость все-таки не могут мешать нам по мере сил следить за современным литературным процессом. Выход этого номера - скромный плод наших наблюдений, концентрация того, что кажется нам актуальным, а, выражаясь яснее и честнее, всего того, что наиболее уважаемо нами или наиболее близко нам самим в современной русской поэзии.

Арсений Ровинский, Копенгаген
Федор Сваровский, Москва

Федор Сваровский, Несколько слов о "новом эпосе"

Без помощи умных

К сожалению, нам с Арсением Ровинским не удалось уговорить каких-либо умных людей написать на эту тему. Умные люди либо заняты, либо не разделяют наших взглядов на такое явление как новый эпос. Поэтому приходится писать самому. А это очень плохо, так как, во-первых, у меня нет никакого опыта написания статей о литературе, а, во-вторых, я не люблю писать статьи в принципе, потому что уже 11 лет работаю журналистом и пишу все это время исключительно ради денег. Так что никакого удовольствия ни мне, ни читателям.

Тем не менее, если уж мы собрали 16 авторов под одной обложкой, то, безусловно, хоть что-то, разъясняющее причины создания этой антологии, написать надо.

Писать буду предельно просто. Надеюсь, что смысл сказанного будет понятен, несмотря на мое очевидное литературоведческое косноязычие.

Новая тенденция

Не знаю, может быть, кто-то еще придумал и давно использует это словосочетание – "новый эпос". Но я его придумал для обозначения некоего подхода к написанию текстов, который я стал сознательно практиковать лет шесть-семь назад. Постепенно я стал замечать, что похожий подход используют и некоторые другие русскоязычные авторы.

За последние пару лет я выяснил, что, оказывается, подобным образом как минимум двое авторов пишут уже с середины-конца 80-х годов. Хочется сразу назвать этих первопроходцев – Леонид Шваб и Виктор Полещук. А если залезть поглубже в историю русской литературы, то там в героическом одиночестве обнаруживается еще один совершенно замечательный автор, во многом обогнавший свое время и вкусы читателей, - Сергей Нельдихен. Он, на мой взгляд и есть предтеча многих поэтов "нового эпоса".

С начала-середины 00-х, как мне кажется, в русле "нового эпоса" стали писать такие авторы как Мария Степанова, Линор Горалик, Арсений Ровинский, Павел Гольдин, Сергей Круглов, Андрей Родионов, Сергей Тимофеев, Борис Херсонский, извините, я и частично некоторые другие в авторы. Собственно, именно эти русскоязычные авторы, кроме составителей данного номера журнала РЕЦ, утаивших свои стихи из ложной скромности, и вошли в эту антологию. В зарубежной литературе, я думаю, обнаруживается та же тенденция, но я, скорее, усматриваю ее в произведениях ряда англоязычных и франкоязычных прозаиков.

Суть дела

Итак, мне кажется, что последние 10 лет в русской словесности обнаруживается качественно новое явление, которое я бы назвал "новым эпосом". Его основные внешние признаки: повествовательность и, как правило, ярко выраженная необычность, острота тем и сюжетов, а также концентрация смыслов не на реальной

личности автора и его лирическом высказывании, а на некоем метафизическом и часто скрытом смысле происходящего, находящемся всегда за пределами текста.

Как правило, модернистские авторы практикуют в той или иной мере линейное высказывание, подразумевающее их личные переживания, рефлексии и размышления. Модернистское произведение может иметь какую угодно форму. Собственно, оно может быть внешне эпическим, но всегда за текстом открыто стоит автор с его внутренней жизнью.

Новозпические авторы практикуют не прямое смысловое, а системное, нелинейное высказывание, когда сумма образов, выраженных в тексте, выявляет некое общее ощущение, некую общую мысль, которая может быть в том числе и невысказываемой, и постигается только при полном прочтении текста. В случае прямого авторского высказывания легкоуловимый смысл может иметь даже небольшой отрывок текста, так как линейное высказывание может быть поделено на составные части, на микросмыслы.

Цель "эпического" высказывания

Теперь, наверное, имеет смысл объяснить, зачем вообще так писать и какова цель эпического высказывания.

Я уже давно испытывал полную невозможность писать в царившей весь XX век модернистской парадигме, заданной в русской поэзии авторами Серебряного века и более поздними авторами, практикующими характерное для литературы начала-середины XX века прямое лирическое высказывание. С моей точки зрения, кризис литературы и искусства в целом (мнение о существовании которого, по-моему, довольно спорно), если он и есть, обусловлен, прежде всего, кризисом способов, методов художественного высказывания, а не кризисом самого высказывания, так как в последнем случае нужно признать, что происходит полная девальвация самой культуры и человеческого общения. Я не верю в кризис смыслов. Смыслы не девальвируются, если они не надуманы. Истинные смыслы вечны. Просто после произошедших в XX веке секуляризации, кризиса гуманизма, становления постмодернистского подхода к культуре, личностное линейное высказывание (я имею в виду авторское высказывание, передающее индивидуальные ощущения, мысли и переживания по какому-то конкретному поводу или группе поводов) оказывается недостаточно эффективным для достижения значимого эстетического эффекта. Линейное высказывание автора, превалирующее в поэзии XX века, теперь как бы попадает внутрь философских тенденций и происходящих в цивилизованном мире процессов. Линейное индивидуальное высказывание теперь всегда воспринимается в контексте огромного количества дополнительных условий и смыслов, что автоматически приводит к его обесцениванию. Линейное высказывание может быть подвергнуто сомнению и осмеянию, поскольку всегда существуют отрицающие его жизненные аспекты и смыслы. Как мы все дано уже убедились, мысли, переживания и рефлексии конкретного человека никогда не закончены, никогда не совершенны. Личное - не абсолют. А мне кажется, благородная цель любого искусства - стремление к совершенству, к торжеству абсолютной формы и содержания.

Здесь я из осторожности скажу лишь о некоторых собственных соображениях по этому поводу, так как не уверен, что все правильно называю и формулирую.

Как сделать так, чтобы слова вновь обрели прежнюю силу, как преодолеть эту мнимую девальвацию? По-моему, нужно изменить тип высказывания.

Думаю, что, как и во многих других случаях, проблема не в содержании высказывания, а в отношении автора к тексту.

Пользуясь линейным, личностным высказыванием автор, как правило, отождествляет себя с текстом, а часто и с самими героями. Пользуясь линейным типом высказывания, автор "подставляется", уподобляет себя герою, неся полную эстетическую ответственность и за форму, и за содержание высказывания, и попадает как бы под перекрестный огонь других смыслов, имеющих место в нашем теперь уже совсем поликультурном мире.

Очевидно, что будучи весьма одаренным человеком, можно и теперь писать неплохие стихи ямбом и хореем. Таким же образом большие таланты могут и теперь впечатляюще высказываться посредством традиционной модернистской лирики. Но и в этом счастливым случае проблема "автор-текст", проблема девальвации авторского высказывания все равно не решается.

Мне кажется, что проблема эта решается путем полного отчуждения, абстрагирования автора от конкретных высказываний и действий героев, от линейных смыслов текста (как это давно делается в постмодернистской литературе). Но при этом автор практикует системное нелинейное высказывание, подводя читателя к некоему переживанию, мысли, ощущению при помощи совокупности многочисленных элементов: образов, лексики, линейных смыслов текста (и этого в постмодернизме нет - серьезное авторское высказывание, если оно нелинейно, опять обретает значение).

Нелинейное системное высказывание не девальвируется от обилия существующих смыслов, поскольку способно включать в себя любые смыслы. Нелинейное системное высказывание - не голос конкретной личности, а как бы метафизический голос Провидения, благородной Силы, управляющей мирами, которую нельзя познать до конца, а, следовательно, невозможно осмеять, невозможно поставить в один ряд с другими силами и смыслами,

ведь все существующие силы и смыслы существуют внутри нее.

Конечно, мне совсем не хотелось бы, чтобы кто-либо подумал, что эти рассуждения о "неэффективности" линейного лирического высказывания – попытка обидеть и раскритиковать множество современных авторов, пишущих лирику. Во-первых, лирика тоже не всегда содержит линейные высказывания. Смысл лирического линейного высказывания также может находиться за пределами текста, но все-таки этот смысл всегда будет личностным, всегда будет сводиться к мыслям и переживаниям конкретного человека. Во-вторых, талант есть талант, какие бы способы высказывания он не использовал. И здесь я, скорее, говорю не о состоянии современной поэзии, а об общих тенденциях и о своих ощущениях по этому поводу.

Решение проблемы "автор-текст"

Автор новоэпического текста повествует не о своих, а о совокупности чужих переживаний, слов, действий и окружающих героев обстоятельств. Но он, конечно, может использовать и свой опыт, если способен от него отдалиться, посмотреть со стороны. Фокус эпического повествования находится вне личности автора. Фокус оказывается на том, что "организует" бытие. Фокус порой оказывается даже вне текста. Что же это? Ответ зависит от философских и религиозных взглядов автора и читателя. Рок, Судьба, Провидение, неведомая или кому-то хорошо известная сила, управляющая жизнью. Действие этой силы, думаю, осознают практически все люди, вне зависимости от их философских взглядов и вероисповедания.

Рассказывая историю о некоем человеке (или даже неживом герое – механическом агрегате, например) мы, по сути, говорим не о нем, а о взаимодействии личности или сущности, вышеупомянутой силы и окружающего мира – настоящего или воображаемого.

Мне кажется, что таким образом пресловутая проблема взаимоотношений автора и текста в рамках эпического метода высказывания решается полностью.

Автор – не герой и лично с героем не связан. Автор – свободный от текста творец, не несущий ответственности за каждое слово и мысль своего героя, а отвечающий за замысел, происходящее и множественные, порождаемые им смыслы в целом. Произведение же – плод "сотрудничества" героя, "силы" и описанных автором обстоятельств.

В чем отличие "старого" от "нового"

Правомерен вопрос: а чем отличается старый, известный нам эпос от нового? Почему какие-то современные произведения я называю именно "новым эпосом"?

Разница в отношении читателя и автора к содержанию текста. Если автор старого эпического произведения подразумевает, что события, описываемые с произведением реальны или могут считаться таковыми, то в новом эпосе автор описывает события, реальность или явная вымышленность которых не имеет значения для достижения эстетического эффекта, так как основная цель "нового эпоса" преимущественно художественная – вызвать системное эстетическое, эмоциональное, интеллектуальное переживание. Если старый эпос имел не только эстетическое, но и педагогическое, политическое и другие значения, то новый эпос – просто искусство, фикция.

Поэтому действие новоэпического произведения с равным успехом может происходить в космосе, в прошлом и будущем, во сне, в воображении героя и т.п. Главное – показать действие Провидения, Силы, стоящей за воображаемой жизнью, за описываемыми событиями.

В старом эпосе автор не моделировал эту Силу. Он в нее верил, и точно знал, как и когда она действует, Сила не была предметом художественной спекуляции.

Эпический контекст и эпическая фабула

При составлении этого сборника многие люди советовали нам стихи, которые при внешнем сходстве с эпосом никак нельзя отнести к "новому эпосу". Это были повествовательные стихи, но не эпос.

Что же формально отличает эпос от неэпоса? По-моему, основной формальный признак новоэпического произведения – наличие эпического контекста и эпической фабулы.

Эпический контекст – набор условий и подробностей, которые сознательно описываются автором и служат для создания цельного ощущения жизни, мира, реальности внутри произведения. Без эпического контекста в эпическом произведении не возникает эстетического эффекта. Главного эстетического эпического переживания – чувства присутствия Провидения или Судьбы без грамотно прописанных, художественно достоверных деталей создать невозможно. Эпический контекст всегда конкретен, никогда не условен. Все детали эпического контекста должны иметь разумные, логичные в рамках произведения объяснения.

Эпический контекст герметичен, это завершенная замкнутая реальность – историческое прошлое, давнее прошлое в рамках жизни героя, события в воображаемом научно-фантастическом мире, в мире сказочном, жизнь

в далекой стране с малоизвестной большинству читателей культурой и т.п.

Эпический контекст всегда жестко связан с эпической фабулой. Эпическая фабула может присутствовать в тексте, когда идет описание конкретных событий, а может находиться за пределами текста и подразумеваться, например, если произведение – частная история человека, живущего во время войны, где главное – происходящие с ним бытовые перипетии – болезнь, любовь и т.п., а не боевые действия.

Эпическая фабула всегда связана с чем-то особенным. С героем происходит некие события, действительно являющиеся или осознаваемые им как особенные.

И, кстати, в этих особенных обстоятельствах герой может осуществлять линейное, лирическое высказывание. Довольно много новозэпических текстов выстроены в форме монолога героя. Однако смысл монолога всегда содержится за пределами текста, и высказывание автора нелинейно.

И последнее

Хочется добавить, что, возможно, термин "новый эпос" - не верх совершенства. Возможно, эту новую литературную тенденцию стоит назвать "нелинейной литературой" или как-то иначе. Если кто-то, заинтересовавшись моей точкой зрения, придумает более точный термин, я буду только рад. Так что уж не ругайте неспециалиста за условные термины.

Кроме того, хочется подчеркнуть, что далеко не все представленные авторы пишут эпические произведения, исходя из какой-то конкретной эстетической задачи.

Мы отобрали те произведения, которые с нашей точки зрения лишь наиболее ярко отражают осознаваемую нами тенденцию.

Но, как мне кажется, в поисках художественной "правдивости", эффективности и силы высказывания, в попытке решить проблему взаимоотношений автора и текста, проблему "девальвации смыслов" многие авторы теперь приходят именно к "новому эпосу", к нелинейному, системному авторскому высказыванию.

Леонид Шваб

* * *

Кришна не плачет.
 Медведи в саду преследуют дочь англичанина.
 Назревает гроза, девочка схоронилась за камнем.
 За оградой произрастают петунии.
 Чем меньше планета, тем молния долговечней.
 На рассвете стучится домой со товарищи англичанин,
 Девочка спит на траве, дождь перестал.
 Вместо медведей мы видим сборщиков хлопка.

2000-2003

* * *

Это маньчжурское плато
 Напоминает Чкалов.
 В Чкалове на Шевченковских
 Точно такие места.

В Маньчжурии с первых дней
 Чувствуешь подавленность,
 Неуверенность в себе,
 Ты немногословен, сдержан

На Шевченковских легче,
 Это же Чкалов.
 Точно такие места -
 Немногословен, сдержан.

1987-1989

* * *

Втулки порохом отбивал
 Матрос отставной,
 Во сне разговаривал с Богородицей
 О непогоде, болезнях,
 Во сне представал перед Богородицей,
 Просил за матросов.

1992

* * *

Прибрежные камни размечал,
 Счищал с камней плесень,
 В длинной рубахе, как мадонна,
 Подвижный, северного склада.
 Расчищал камни,
 Механически передвигаясь,
 Без инструмента, без питьевой воды,
 В одной рубахе.

1990

* * *

Входит двоюродный брат,
 Просит передать деньги нуждающемуся товарищу,
 Пстой, брат,
 Твоего товарища давно нет в живых,
 Нет, брат, веришь – бесконечно нуждается.

1992

* * *

Дух безмятежный рассеивается,
 Входит двоюродный брат,
 Просит передать деньги нуждающемуся товарищу.

Входит двоюродный брат,
 Просит передать деньги нуждающемуся товарищу,
 Исполню в точности, брат.

1993

* * *

По вечерам женщины плавали в озере.
 Мужчины засиживались в беседке.
 Звезд никогда не было.
 Пахло крапивой.
 Пахло купоросом, крапивой.
 Телеграфные столбы огибали усадьбу.
 Какая галечных насыпей.
 Галька фосфоресцировала, шевелясь.
 Шаги казались голосами.

1990

* * *

Был опыт в градостроительстве,
 Строил в Польше,
 На рубеже первичных изысканий
 Испытывал отвращение как профессионал,
 Замыкался в себе,
 Отвечал самым высоким требованиям.

1992

* * *

Запомнилась диковинная напольная мозаика -
 Фигуры поверженных быков,
 Красная трава,
 Прогибающаяся под тушами быков.
 В центре - единорог-убийца
 С закрытыми красными глазами,
 Как еле держащийся на ногах.
 Вдали пастухи с курительными трубками,
 Чубуками указывающие на единорога.

1993

* * *

Я уехал в Монголию, чтобы поверить веселому сну,
Сопровождал военизированный караван,
Подножка вертолета скользнула по виску,
На всю жизнь остался фиолетовый шрам.

Подростки латали бечевкою войлочный мяч,
Пастухи выпивали, передавая узкий стакан.
Я оставался в полном сознании, чтобы слышать приказ,
У развилки дорог стоял истукан.

К ночи пыль оседала, я споласкивал рот,
Освобождался от наплечных ремней,
Удары сердца я воспринимал как пароль
И гордился озабоченностью своей.

И, обернувшись худым одеялом, как учил проводник,
Я слышал было шаги развеселого сна,
Но являлся мой старший брат и песен не заводил,
И простуженно кашлял, и исчезал как луна.

Я звал его, шарил по воздуху непослушной рукой,
Обыскивал местность при поддержке ночного огня,
И товарищи, смертельно уставшие за переход,
Угрожали избавиться от меня.

1996

* * *

Вывешивать белье,
Питаться снегом,
В наш двор не заходило время,
Нас не боялась детвора.
Припомним - детвора с магнитом
Проходит нашей улицею торопливо

1992

* * *

Там аисты бесполезные висают
И в камень, как в зеркало, глядят.
Сайгак полугодовалый,
Ночные мыши,
В низине заброшенный кишлак.
Там вертолетчик кружит с весны,
Не в силах вырваться,
И звук разладившегося двигателя,
Может быть, единственный звук.

1991

* * *

Железные ворота потрачены гнильностью,
Рабочие танцуют во дворе, как мексиканцы,
Насильно вовлекают в круг хозяина.
Мальчишки волокут больного медвежонка,
Пойманного в фабричных шахтах.
Медведь не страшится,
Поводит забитой веревками пастью.

1991

* * *

Дух безмятежный рассеивается,
Передо мной как на ладони пакистанский путь,
Осторожным движением сердца
Поправляю замешкавшийся пульс.

Природная горячность развязывает мне язык,
Моя жизнь незамысловата, ибо я горделив.
Я наклоняюсь к бессловесному татарину с просьбой
Разбить мне голову.

Мне жаль, что я внутренне напряжен,
Я оставляю без внимания опаснейшие приметы.
Я разрываю воротник сорочки и с наслаждением пою:
"Пакистан, Пакистан".

1993

* * *

Гости съезжались на дачу
Под грохот скрипящего снега.
Дача стояла на склоне
Холма, внизу было озеро.

Хозяина не было дома,
Но предметы располагались таким образом,
Будто он на минуту вышел
И скоро вернется.

По комнатам расходились
Руки держа за спиной.
На коврах висело оружие,
Помутневшее от времени.

Стояла тишина, но княгиня
Сказала, молитвенно сложив ладони:
"Пожалуйста, уедем отсюда.
Здесь страшно. Я вас прошу."

Гости очнулись,
Поднялся невообразимый шум,
И через короткое время
Никого не осталось.

1987-1989

* * * Нет, – отвечала Эльза. – Я безумно слаба,
Но Фридрих в отличной форме.

Ни один из истопников не признался,
Руки держа за спиной,
Шли не подозревая в глубь страны,
Не признаваясь и друг другу.

И Фридрих вылетал, как бешеный.
Брались за руки,
Танцевали, как цыгане.

Нельзя не спеть о Баренцевом море, полагали,
Запевали нетронутыми голосами,
И вышли к морю наконец,
Стемнело наконец.

1991

* * *

Как истопники умирают, кричали,
Погружаясь в воду, серебрясь,
Как шли в глубь страны прекрасно,
Пели прекрасно.

Ах, чайки кружатся над фабрикой,
Слышится колокольный звон.
Я беден, я вычищаю сточные колодцы
В термических залах.

1987-1989

И первый подземный толчок
Я расцениваю как предательство,
Я обнаруживаю прогорклый запах
Природного газа.

* * *

В кузове перекачиваются бочки с олифой,
В Чкалов, домой,
И взрывы не слышны,
Никак не вырвется Каминский,
Неплохо ведет, слишком нервно,
Кузов в потеках, прибывать продолжает,
Напрягаясь, Каминский, хохотом подгоняя,
По шлейфу олифы как петля,
И дверцей хлопнув, останавливается,
Проминает кулаком капот –
Где Чкалов, что за чертовщина?

Я обращаюсь к бегущим товарищам:
"Который час, дорогие мои?"
Они отвечали: "Прощай, Александр,
Мы погибли, нам нужно идти".

Они провидчески отвечали:
"Ты распрямишься, станешь субподрядчик, Александр!"
Я пританцовывал, обмирая от страха,
Я не был Александром.

1987-1989

1994

* * *

* * *

Там аисты бесполезные зависают
И в камень, как в зеркало, глядят.
Сайгак полуголодный,
Ночные мыши,
В низине заброшенный кишлак.

Камнями девочки играли в бриллианты,
Заканчивалась Тридцатилетняя война,
И словно перочинный ножичек
По мостовой катилась рыба голова.

Там вертолетчик кружит с весны,
Не в силах вырваться,
И звук разладившегося двигателя,
Может быть, единственный звук.

Дальние овраги фосфоресцировали.
Продовольственные склады тщательно охранялись.
Караульные исполняли комические куплеты,
Как будто артисты.

1994

"О, Господи, – шептались в домах, –
Мы что-то не очень хорошо себя чувствуем.
Мы, в сущности, наповал убиты,
Как подсказывает сердце.

* * *

Шахматы, шашки рассыпались.
Ветер сшибает стекло.
Из темноты выступают Фридрих и Эльза.

Предназначения судьбы не применяются в точности,
Отсюда страшная неразбериха.
Мы перекувырнемся и станем Габсбурги,
Нам хочется блистать, кощунствовать".

Фридрих и Эльза, станцуйте, как цыгане,
Любовный танец.

На заставах еще постреливали,
Свободные передвижения были запрещены.
В войсках беспрестанно жаловались на самочувствие:
"Мы не очень хорошо себя чувствуем".

1994

* * *

Каждая тварь понимает неспешную речь
Коробейникам вход воспрещен я и есть коробейник
Я в зеленом пальто я похож на коня
Я перепачкан известкою и мелом
Я слышу как гневается государь

Над моей головой – беспилотный летательный аппарат
В силу сложившихся обстоятельств я неправдив
Каждое дерево клен я опаздываю на именины
Я обладаю живостью артиста

2003

Виктор Полещук

ФРАНСУА ВИЙОН XX

О Франсуа Вийоне известно немного:
до нашего времени дошли сведения,
что он был отпетый негодяй и грабил церкви.
После одного такого грабежа и убийства
он, дожидаясь допроса, просидел пять месяцев
в каменной комнатухе в полной темноте.
Тогда преступников накачивали водой при малом допросе
и увечили при большем.
Но Вийон пришел на суд целым.
Затем его бросили в подземную тюрьму
с дырой посередине для трупов и других отходов.
Время от времени осужденным кидали хлеб
и спускали на веревке сосуд с водой.
Там он просидел шесть месяцев с мая по октябрь,
что в два с лишним раза превышает срок жизни тех зека,
которые находились рядом.
Освободили его по приказу Людовика XI,
чьи подвиги Вийон воспел.
Далее следы поэта теряются.
Историю комментирует Димитрий Панин,
проведший в сталинских лагерях шестнадцать лет.
"Зная милые нравы преступного мира,
я останавливаюсь на следующей версии.
К Вийону епископы отнеслись снисходительно,
так как не хотели стать врагами королю,
к которому воззвал урка.
Когда бандиты бежали с Воркуты,
они брали с собой овцу - "политика",
чтобы в пути его убить и изжарить.
Думаю, такими же путями Вийон дотянул до октября,
поедая сокамерников.
Но выйдя на свободу, он перешел в разряд сук
и был уничтожен - будто канул в воду.
Один факт, что Вийон два раза пережил тех несчастных,
что сидели рядом, говорит сам за себя.
Вот и все объяснение
в свете нашего опыта".

БАБЬЕ ЛЕТО

Фарфоровая голубка,
охраняющая сундук,
черно-белый телевизор и помятую куклу,
поглядывает на нас с подоконника,
нахохлилась,
кажется, вот-вот взлетит.
Вечер.
Беседа катится как широкая река -
с волнами воспоминаний,
неожиданностей и чудес.
Ежевика наша, слава Богу, имеет величину с орех -
а правда, что славяне произошли от смешения
амазонок и скифов?
В соседский крольчатник на той неделе залетела
шаровая молния - а какого цвета канделябры
в нашем кабинете?
В прошлом веке, известно, монахи прокопали
подземный ход под рекой - вот так и живем:

муж умер, зять сбежал, а сыновей нет.
Бабье лето в разгаре. Облако, обмакнувшись
в желтую краску, опускается к траве. Обагранный
листою туман вздымается в небо.
Фарфоровый ангел подлетает к райцентру,
складывает крылья,
и с самого-самого зенита
низвергается вниз, чтобы сесть рядом с нами и пить чай.
С его лучистого оперения падают капли росы,
веранда сияет.

ЭКОНОМИКА ПУТИ

Одноногий человек идет по дороге.
Из пункта А в пункт Б.
И думает: "Удивительный край — Таджикистан!
Анаша продается рубль закрутка,
в чайхане можно переночевать
под тем же паласом, на котором спал днем,
рикши бегом возят пассажиров,
в сентябре тридцать градусов тепла".
Одноногий человек — бухгалтер районного центра Яван,
живет в глинобитной кибитке метр на два,
проводит регулярные ревизии бюджетных средств
и прекрасно знает что сколько стоит:
суп с гуляшем 20 рублей,
порцияпельменей (5-6 штук) 15 рублей,
килограмм хлеба 3 рубля 20 копеек,
литр молока 3 рубля,
килограмм картошки 8 рублей,
мешок кизяка 30 рублей,
часы "Победа" (женские) 600 рублей,
рубашка из поплина 200 рублей,
хлопчатобумажный костюм 150 рублей,
ведро воды 5 копеек,
бутылка арака 25 рублей 50 копеек,
переплет документов 1 см2 — 5 рублей,
проект коровника — 13 тысяч рублей,
кладка печи 13 тысяч рублей.
Его оклад 640, судьи 790,
прокурора 950, киномеханика 350 рублей.
Лето 1952 года. Жара. Единственное место у нас,
где растут деревья, — двор военкомата.
Но вход туда запрещен.
По ночам с потолка в постель падают скорпионы.
Председатель обращается с колхозниками с помощью камчи*.
Отремонтировать ручные часы некому.
Суфа — это глиняные нары.
Одноногий человек идет по пыльной дороге
и сочиняет письмо товарищу Н.А.Булганину:
"Дорогой товарищ Булганин!
Как работник финансов со стажем хотел бы внести
рациональное
предложение в усовершенствование порядка сельхозналога
для
улучшения общего механизма социалистического хозяйства.
Прошу узаконить сбор подписей и один чек на весь колхоз.
В итоге они в расчете, а райфинотдел имеет право перечислять
учреждениям.
С заботой по процветанию социалистической Родины
инспектор по бюджету Яванского райфинотдела
С.А.Кокошин".
Одноногий человек идет по дороге.
Костыль впился под мышку,

кожа пятки как кожа крокодила,
 чикль-дыкль,
 чикль-дыкль,
 чикль-дыкль.
 Жарища,
 как будто тащишь солнце на горбу.
 Речка с утробным гулом
 толкает подводные камни.
 Скоро Яван.
 А там что?
 Ссылная татарка взяла воду из следа копыта заварить чай,
 оказалось, что моча коровы.
 Пожарный Шевченко стреляет в горах кабанов
 и продает по знакомству по 30 рублей за кило.
 Кандидат в депутаты Верховного Совета
 поэт Мирзо Турсун-заде
 снимает на вечер клуб,
 и все желающие смотрят кино.
 Сторож дизельной станции Жора Колозоркин
 свихнулся от курения анаши
 и бродит в лохмотьях по улицам Ленина и Сталина.
 В феврале видели, как с севера на юг от горы до горы
 пролетел огненный шар
 величиной с лунный диск.
 Одноногий человек идет по дороге.
 Из Орджоникидзеабада до перевала Чормазак
 он доехал на цистерне бензовоза,
 а до места добирается пешком.
 На его лице улыбка сменяет думу, дума улыбку,
 в руке подарки — новые сандалеты сыну
 и штапельный платок с кисточками жене.

СОПРИСУЩНОСТЬ

Пьяный Фомин на берегу Вахша,
 штормовка жестяная от соли,
 не снять, всюду комары.
 "В последнем кадре моего фильма поэт
 Худойдод-заде едет на осле".
 "На каком?" "На обыкновенном".
 "Христос, что ли?" "Нет."
 Духота. Воздух трескается.
 Вахш несёт глиняные воды.
 В стационаре биологов
 мы пили спирт из грелки,
 и он пахивал резиной. Горели свечи.
 Симонов с Ельцовой
 почему-то уединились в палатке.
 Сияли такие солёные звёзды,
 стояла такая здоровая тишина,
 что было слышно, как плещутся сазаны.
 В заповеднике "Тигровая балка"
 даже песок белый от соли.
 Вдруг появились сторожа-туркмены:
 "Кто вас прислал сюда?"
 Мы их изгнали.
 "Потом я заснял кабана в озере,
 нет, поросёнка."
 "Хрю-хрю." "Кроме шуток."
 На следующий день мы были у Ораза.
 Русского мальчика усыновили туркмены,
 и он стал мусульманином.
 Я долго стоял в сарае,
 где выводились шелковичные черви.
 Портвейн был тёплым.

"Это та самая Мальцева,
 которая с Сапожковым?"
 "Зачем об этом вспоминать?"
 "Да я не об этом."
 Нары у самого ручья.
 Мы откинулись на подушки
 и рассмеялись соловью.
 Кто не созерцал на Востоке -
 кулик в своём болоте.
 Вечером битый час мучались
 с саксаулом.
 Фомин снова полночи
 блуждал с фотоаппаратом по тугаям,
 к чему-то прислушивался, ждал.
 Был один в громадной тьме,
 но хорошо знал, что не один.
 Кандидат наук Крымова
 спала в комнате по соседству.
 Что ничего не значило.
 Я покурил, кашлянул два раза,
 хлопнул комара на шее и лёг спать.
 Стоял симфонический покой.
 Эра лежала у ног.
 Цвёл, гудел, проявлялся мир.
 Падали с ярким звоном звёзды.
 Существовали рыбы с горящими глазами.
 Давно всё понимали змеи.
 Орлы, дикобразы, вараны. Шакалы.
 Но чего-то искали.
 "Очень близко слышал вой.
 Приходили пожрать." "Но струсили?"
 "Благодари, что не укусили за пятку."
 "Хм".
 Зачем мы приехали сюда,
 смешно сказать:
 отбирать образцы растений для ВДНХ.

ПОСЛЕВОЕННОЕ

Тогда ты уехала в Гулькевичи,
 а я остался в Душанбе продавать дом.
 Сколько добра накопила покойная матушка,
 а мне пришлось отдавать за бесценно!
 Мрак.
 В Таджикистане шла гражданская война,
 по вечерам слышны выстрелы,
 бесцеремонные патрули шмонают всех подряд.
 Контейнерная станции пуста -
 кто и как договаривается об отправке -
 тайна за семью печатями.
 Прапорщик угрюмо сплюнул сигарету:
 "Заварил кашу горбатенький..."
 Город в блокаде: железнодорожного сообщения нет,
 почта не работает.
 Я звонил тебе почти каждый день,
 и ты спрашивала, есть ли у меня теплые вещи.
 - Да, есть, - отвечал я.
 Я ходил на аэровокзал и отдавал свои письма пассажирам -
 опустить в ящик в Москве или Оренбурге.
 Пришли, наконец, два твоих послания:
 я не мог жить без тебя.
 Между делом прохватила дизентерия -
 провалялся неделю в больнице
 на голодной пайке -
 в это время окольным путем ушел багаж,

в основном, книги.
 Я еще не знал, что деньги, вырученные за дом,
 съест инфляция.
 По приезде я был дик, угрюм и молчалив.
 Ты взглянула на меня и сказала:
 - Тебе лучше сбрить усы.
 Лучше - так лучше.
 О самом страшном, что осталось позади,
 я умалчиваю.
 Я боюсь избитых фраз,
 мелкой хляби,
 ничтожных сантиментов на фоне скалы горя.
 Быть может, тогда я тебе показался грязным льдом,
 но ты задним числом простишь меня.
 Просто за время эвакуации
 я разучился улыбаться.
 Но я не желаю быть и твердокаменным,
 помня, сколько в тебе верности, боли и игры.
 Ты доверяла мне, и у меня падало сердце,
 что я не гож к этой детской самоотдаче,
 я, которого самого надо отхаживать.
 Славная русачка, ты не ищешь выгод
 в лабиринтах отношений,
 фальшь для тебя - проказа мира,
 тебя целит лишь подлинное.
 Я до сих пор заучиваю уроки
 твоей маниакальной чистоты.
 Я тогда приехал
 с изодранной душой.
 Мы тихо говорили за столом,
 смотрели в глаза друг другу,
 и теплая вода убежала из ванны.

ТРОИЦА

Впервые я его увидел на целине.
 Наутро его фуфайка примерзла к стенке вагона,
 так что отдирать пришлось с мясом.
 Однажды с помощью металлических кошек
 он взобрался на телеграфный столб
 и взлетел в космос.
 Говорили (а кто?),
 что совхозный чудак там и нашел свое место.
 Особенно его невзлюбила наша рота.
 Салага мочился, когда его повело от усталости в сторону,
 но он-таки прислонился к елке
 и справил нужду
 до конца.
 Под левым глазом у него красовался фук,
 а над пилоткой горел все тот же неугасающий нимб.
 Открытое партийное собрание конструкторского бюро
 было прервано из-за того, что новый кандидат наук,
 не обращая внимания на докладчика,
 выводил взглядом на противоположной стене
 неоновые цветы.
 Но это не было засчитано за открытие.
 Да, да, мы его видели - то шагающим в полночь по карнизу,
 то запряженным в полдень в асфальтовый каток,
 в толпе и на пустыре, зимой и летом,
 под крышей и на улице,
 но он все время грозно и неукоризненно,
 властно и безвольно
 молчал и молчал, молчал и молчал, -
 пока мы на всю мощь включали фары в степи
 и сбивали людей с огромными рогами на головах,

дарили третьей и четвертой жене по килограмму конфет
 и оставляли одних на морозном полустанке,
 надевали поверх брюк фиговый листок
 и торговали среди площади порнухой -
 да мало ли чего мы не делали...

ДРУГОЙ ЛИК

снился мне сон
 Федора Михайловича расстреляли
 нет Преступления и наказания
 нет Идиота
 нет Братьев Карамазовых
 нет Бесов революции
 Пророк не только предсказывает будущее
 он формирует его
 Нарочный с помилованием опоздал
 и Достоевского расстреляли
 Каких великих откровений
 лишилось человечество!
 Сколько страданий
 миновало его!
 Христос тихо прошел по Земле
 Великий Инквизитор без лишнего шума
 взял власть над миром
 все сыты все довольны

Снился мне сон
 Федор Михайлович воскрес
 Что делать? - бежала к нему
 с криками толпа
 Он сквозь обритое лицо
 тихо улыбался
 и говорил:
 Мы воскресаем в другом лике
 теперь я простой фрезеровщик
 завода Уралэлектромотор
 Что делать? - кричала толпа
 Точить деталь, - отвечал он

Мария Степанова

ПРОЗА ИВАНА СИДОРОВА

I

В городок провинциальный,
а так сказать, да в невысокий-недалекий,
с белыми крутыми берегами,
с по-над берегом гигантскими шагами,
с трубами тяжелых предприятий,
с бабами, похожими на ошупь,
как бутылки в тесных голенищах,
приезжает пьяница-мужик.

Почему пьяница - будет ясно из нижесказанного.
В городе нет никого знакомого, тем или этим к нему
привязанного.

В семь часов вечера закрываются оба обменника.
В привокзальном буфете пиво без ценника.

Мужик смотрит туда и глядит сюда.
Он не ведает, делать что и идти куда.
Что на нем: пальто итальянского кроя,
костюм спортивный, то и это сырое.
Сумка с надписью, вижу я только das,
но легко додумаю остальное.

Куда он денется, кто ему "да" и даст?

Город, положим, Под Снежною Пеленою.

Огни погашены.
Осторожно-окрашены
темным заборы, и даже на площади ни мента.
Дышит периной новая пустота.
Московский скорый,
ночной который,
вот-вот
отойдет.

Начинают движение посменно,
безалаберно и одновременно,
пробные таинственные люки,
за которыми авторские руки
нажимают на кнопки и пробелы.

Зал ожидания с криком перебегают курица.

В стеклянных дверях проступает ночной патруль.

А спящая девочка – ниже руля
некрупного взрослого велосипеда –
а где ее мамка? и чья она, бля?
глаза открывает, с узлов привстает –
и бух, точно в воду, в объятья соседа,
и "деда" бормочет, и губы сует,
но спать почему-то не перестает.

Бочком, как убитый, припала и дремлет.

Снег во тьме светит,
и тьма его не объемлет,
и ночью никто не встретит.

Скорый тянется вдоль перрона,
долгий и шелковый, как чулок.

Автор затягивает на памяти узелок
и пресекает течение повествования,
оставив героя проявлять еще неизвестные нам дарования.

II

Ну, и затемно едут они в маршрутке.
Тянутся новостройки, топорчатся палисады,
город ворочается между рекой и рекой.
Девочка спит в цигейковом полушубке.
Приезжий не без досады
решает, кто он теперь такой
и какой
он дед бессмысленному созданию,
прямолинейному, как весло.
И как его сюда занесло.
И как оправдать ее ожидания
и пару дней перекантоваться,
куда судьба его заведет.

Девочка спит.
И куда деваться,
покуда нечто произойдет?
Маршрутка рыщет.
Время идет.

Быстро теплеют черствые сиденья.
В рукавах и ушах собираются сновиденья.
Тяжелей варежки, влажней глаза,
хочется курить, хочется в уборную,
и автобус забирается за
воду надутую, злую, черную.

В ногах корзина с дремотной курицей,
почти не видимой в полумгле.
Конечная. То, что кажется улицей,
стынет по грудь в земле.

Потепле-
ло,
и совсем светло.

Над землей небеса небывалой прелести.
Как в стеклянных стаканах вставные челюсти,
за оградами избы лежат в воде.
Девочка, птица, корзина, пьяница
бредут до последнего дома, где
история и останется.

То есть – где остановится.
Такая вот крестословица!

В доме чисто, как перед поминками.
Стеночки обклеены картинками.
Под окном железная кровать.
Значит, тут и будем бомжевать.

И упал мужик, как сброшенная ноша,
снится ясный день, степенная беседа,
внучка на него покрикивает: "Деда!",
курица зовет: "Алеша!"

III

Дом – не дом, а находка.
В подполе находится захоронка,
в которой ласковая, как водка,
чистейшая самогонка.

Живут хорошо, ни в чем не нуждаются.
Девочка так и не пробуждается,
даже до ветру ходит, не разлепляя век,
знает только "деда" и "кура".

Курица, шкура,
ведет себя как мыслящий человек:
слушает, о чем бы ни говорили,
шухерится, чтоб не сварили.

Нет еды, но как бы и не нужна.

Стоит невероятная тишина.

Иногда заходят. Как ни обидно,
кто – не видно.

В это время все почему-то спят.
А проснутся, никто не спросит
ни – под чьими ногами полы скрипят,
ни – какие тяжести носят.

Снег то падает, то лежит, то тает,
неизвестно с кем наш мужик болтает,
говорит горячо и пышно,
только свой-то голос и слышно,
никого не видно. Едва по средам
почтальон проходит с газетой местной,
не привлечь его к потайным беседам,
не задать вопрос интересный:

отчего в газете времен Хрущева,
где пропитано маслом любое слово,
пистолет лежит вороненой стали,
отчего-ка его не сдали?

Отчего не спрашивают прописки?
Отчего у девочки малой, нищей
не кончаются в кулаке ириски,
ей служба непрерывной пищей?

Отчего у храма и на погосте,
что в окошке видны, пустынно?
Кто сюда без спроса заходит в гости,
как зовут, почему не стыдно?

Темнеет быстро и в тот же момент светает.
Ложится снег и в тот же момент растает.
Мужик и пьян, да и не,
живет, как во сне.

IV

Вот однажды ночью он слышит: "встань" -
говорят, и еще чего-то,
ну "табань" или там "тамань",
и встает, давя кулаком зевоту.

Никого ни в горнице, ни в сенях,
развалилось в небе, что в тех санях,
полнолуние с ведром сметанки.
На земле же глухо, как в танке.

А земля в оврагах, в голодных ртах,
и стоит босой да в одних портах
бедный пьяница на крыльчке,
словно перст в световом колечке.

И тогда-то с ним невидимая сила
как с любимым женихом заговорила,
и гудела, и нудила, и корила –
дескать, я ли тебя, гада, не поила,
не давала на просторах сеновала,
а тебе оно все плохо или мало,
а тебе мое ничто мое не мило...

И пошла-пошла-пошла давить на жалость,
словно баба, понимающая слабо.
Разбежалась,
что бы, кабы.

"Ты ж припадошный, ты без меня сопьесси,
ты ж задаром пропадешь и не вернесси,
не увидишь дорогую Балашиху,
Юльку, Ларочку и бабку-сторожиху,
я ж за пазухой держу тебя в покое,
как в приемном берегу тебя покое,
чтобы ты не натворил чего не надо,
моя лада.

Ты ж не помнишь, ни когда на свет родился,
ни зачем и почему сюда явился,
ты ж не выдержишь без женского пригляда,
моя лада.

Поживи-ка без меня, моя голуба,
позовешь еще, попросишь воротиться!"

И точно. К утру, при пустой погоде,
событья меняют расположениеь,
сперва происходит их умноженье,
потом закручиваются вроде
какой-никакой воронки.
Пора постоять в сторонке.

V

Еще до полудня четыре раза
проплыла вдоль забора туда-сюда
машина цвета летнего льда
из начала рассказа

(если кто не заметил, она была
припаркована у вокзала,
но в округе дымила такая мгла,
что картинка в ней увязала) –

на глаза попадаясь чужим старухам,
заезжая на пригородное шоссе,
и, входя в разворот, проводила брюхом
по разделительной полосе
со скоростью виноградной улитки.

А ровно в двенадцать она тормозит у калитки.
И –

из машины выходит и ходит такая красавица,
что непросто представить, что нас она чем-то касается.

Такая, что раз – и в дамки,
два – и на дне реки.
Глаза как ямки.
Титьки как поплавки.

И вся она в черном, как в черной рамке.
Она быстрым шагом идет через двор.
Рывком открывает входную дверь.
Оказывается внутри.

Внутри не хватает света,
Но она, похоже, здесь не впервой.
Выглядывает из окна, покачивает головой –
дескать, никого нету.

Пьяница с птицей спрятался под кровать,
на которой теперь ночует.
Сам не знает, зачем. Но чувствует,
что лучше себя не выдавать.

Не видит девочку, не понимает, куда она подевалась.
Подозревает, что ради нее история затевалась,
зажимает куриный клюв рукавом,
думает о себе, как о мертвом и сразу же – о живом.
Надеется отсидеться,
знает: некуда деться.

Вознеслось как занавес одеяло.
И в прямоугольнике, где стояла
хорошо очерченная нога,
появились два оче-черных глаза.
И прекрасный голос сказал, зараза:
- Ага!

IV а, следует за V

Милая Дина, что там у нас в отделе.
Подозреваю, все они обалдели.
Я здесь уже неделю.

С местной милицией сложно, они на взводе,
делают мне проверки в известном роде,
как это было с тобой в позапрошлом годе.

Одновременно я же в авторитете,
Дина, чего ты хочешь, они ж как дети,
сами не знают, какую им песню спети.

Кстати, к тому пацану, что сидит в десятке,
что через стенку уходит к себе в беседку,
сказано, надо скорее сажать наседку:
кажется, он мотался сюда на блядки.

И объясни на словах, что к мамане – ладно,
а за пределы области неповадно,
мол, отберут у него, чем черкать по стенке –
будет иное варенье, иные пенки.

Милая Дина, город вроде ватина,
с первой затяжки хочешь на боковую,
в номере над кроватью висит картина,
женщина в черном, тянет на роковую.

Кстати, зайди в бухгалтерию, разберись-ка,
сколько положено мне серебра на пули,
пусть досчитают с надбавкой за группу риска.
Суки, думали, что надули.

Здесь доберу, безналичкою под расписку.

VI

Далее все происходит разом.
Красавица лезет под койку, как Жучка в реку,
благоухая, как обещанье ряя.
Пьяница смотрит круглым золотым глазом
и, голыми лапами быстро перебирая,
бежит от нее половицей, теряя разум,
сиплым горлом прокрикивая "кукареку".

"Куд-куда", не отстают вторая.

Крылья мешают, как не свое пальто,
голос пропал, вместо него икота.
Пьяница думает: што-то со мной не то.
Думает: вроде я превратился в што-то.

Женщина машет руками,
огромными в тесноте.
Обе курицы под ногами
мечутся в темноте,

цыпа-цыпам не внемлют, бегут, как звери,
с диким кокотом проскочили к двери –
и сугробами через двор,
на сарайчик – и за забор.

Тишина. Под носом и очень близко
снег с частицами черного и рябого,
почему-то понятными, как записка.

Перьев мало, глядятся они убого
и к тому же
отвратительно рыжего цвета они, подруга.

А она на него глядит, как жена на мужа
В час какого-нибудь решительного недуга.

Ничего, говорит, отсидимся в сенцах у этих,
ты подумай о Балашихе и малых детях.

Обойдется оно, Алеша,
я видала расклад поплоче.

Но расклад поплоче ловится на живца.
И едва мужик, подпрыгивая с непривычки,
по холодному добирается до крыльца –
дверь открыта,
и оба опера,
розовые с лица,
говорят: "Документики предъявите, птички!"

И берут обоих за трепетные крыла.
Тут еще по рации бла-бла-бла,
что нашли пистолет в газете.
Дом пустой, говорят, если девочка и жила,
то вот эти и есть в ответе.
Про красотку ни слова, похоже, тоже ушла.

... вот оформляют изъятие, суют беглецов в перевозку,
едут по пряничным улицам, кажется, около двух –
солнца почти не осталась, худая полоска.
"Как же ты в камере будешь – ты же, Алеша, петух", -

плачет курица, плачет черная,
догадалась сама, наверное.

VII

И сказал полковник: "Живая плоть!
Вы попрятались в пух и перья.
Только нам таких не впервой колоть,
невзирая на суеверья.

У меня в районе раскрытых дел
до сих пор процент запредельный.
Да на этой лавке упырь сидел,
а потом пошел по расстрельной.

А сейчас как раз у нас из Москвы
главный спец по таким, как вы".

И потом молчал, нелегко вздохнул
и в упор на героя глядя,
так что тот в подкрылья упрятал клюв,
от испуга на лавку гады:

никогда он не был особо смел,
человек домашнего свойства,
а когда дошло до расстрельных дел,
заиграло в нем беспокойство,

и представил он, как бежит-течет
кровь рудая на мелкий щебень,
и еще чего-то, о чем не в счет,
и померк его гордый гребень.

А взглянув на курицу-чернеца,
и подавно он спал с лица.

На глазах становилась она крупней,
наливалась недобрым цветом,
и щетиной стояло перо у ней,
и горели глаза при этом,

и подумал пьяница: мне хана,
за нее же и сяду, дуру!
Поглядел следак, словно сом со дна,
и сказал: "Унесите куру!"

А как сняли ее со стула –
не по-птичьей она вздохнула.

По усам полковник провел рукой,
помолчал, помусолил трубку
и добавил: "Подумай часок-другой
и сдавай-ка свою голубку.

У меня немало на ней висит.
Она врет, как дождичек моросит.
Ты же знаешь, какие бабы –
она разом тебя сдала бы!"

Наш мужик сидит и часы пасет,
и тоска его сердце скулит-сосет.
Тихо тикает в кабинете.
Никого у него на свете.

И у куры-дуры нет никого,
ну нет никого, кроме его.

VIII

Так сидит мужик, шевеля хвостом
в тишине, как на дне морском,
и мечтает выпить раз пять по сто
и во тьму уползти ползком.

Навсегда забыть, словно сон дурной,
кабинет пустой, да и дом курной,
да и весь чумной городишко,
где ему обещают вышку.

Говорит себе: "Ничего попал!"
А зачем и как он сюда попал
и чего забыл на вокзале –
сам не знает и не сказали.

Все, что помнит – сумку забрал в Москве,
попросили: мол, помоги.

Про детей лишь то, что их было две,
но ни лиц, ни имен, ни зги.
Стали курьи, видать, мозги.

Белый свет мутнеет пустым бельмом,
и сидит петух, шевеля умом
над скамьей в табачных крошках,
вспоминает платок в горошках.

И покуда он прикидывал, на что ему решиться –
удалиться в несознанку, продолжая петушиться,
или скурвиться и курицу, как велено, спалить,
если следователь-ирод не побрезгует налить –

по стене с торжественным портретом,
краскою застеленной до лоска,
тонкая, но явная при этом
поползла-поехала полоска,
а навстречу, словно помогая,
двинулась другая

беловым решительным надрезом.
И мужик, хотя и был тверезым,
заморгал, настраивая зенки
в направлении этой странной стенки –

в ней, друзья мои, открылося окошко,
но на что оно выходит – непонятно:
вроде печки, вроде черного квадрата,
по размеру – как стандартный телевизор.

И оттуда, как из горлышка кувшина,
донеслось: "Давай уматывать, мушшшына?"

И петух, сидевший досель мешком,
как-то вдруг шажок за шажком

приближа-придвигается к той стене,
и совсем не боится, не.

И уже в окошко ему видать
баснословную благодать:

двор накрыт, как стол, под густым кустом,
и уже налили пять раз по сто,
и накрыли любимую-горькую
черным хлебом с медовой коркою,

и уже качнулся в пустой проем,
как ребенок гулять на улицу.
А потом решил стоять на своем
и сказал – никуда без курицы,

уходить – так вдвоем!

Солидарно тьма погудела
и сказала: "Вот это - дело!"

IX

Парень дюжий, рыжий, молодой.
По всему видать, что баловник.
Виден смутно, ровно под водой.
Непонятно как сюда проник.

Белый шрам, похоже – от ножа,
поперек лица его лежит.
Говорит как реченька бежит,
на горячей гальке дребезжа:

"Д'я тебя тут дожидался час,
сгрыз до половины карандаш,
д' за тебя сама-она ручалась,
а ребята говорили: сдашь,

а ты не сдал, мужик, а ты не ссучился,
потому и разговор у нас получился,
а кабы скурвился, тебя бы в с т р е т и л и,
а меня твои глаза бы не заметили.

Потому что различать наши внешности
удается только людям крайней нежности,
уж такая, говорю, у нас профессия –
поддержание равновесия.

Давай крылышко, ты мой лапушка,
про тебя сама-она сказала строгое:
обращайсь ты с ним, словно бабушка,
да гляди не растряси его дорогою.

Интересно, зачем ты нужен нам?
Разберутся, поди, за ужином.
Чтобы ладить с ея особою,
дарованья нужны особые,

д'вот хоть я – на что необаятельный,
а у меня есть карандаш рисовательный.

Нарисую на стенке дверку я –
и зараз проделаю дырку я.
За владение этой сноровкою
я заведую транспортировкой.

Полезай в пролом, помогу.
Что увидишь – знай ни гугу.

Все тебя уже заждались, небось,
да ты тово, ничего, не бойсь".

"- А как же курица?"

"- Да ты умница.

Погоди, еще успеете увидетца".

X

Желтый свет горит,
белым стол накрыт,
кто стоит в дверях, не качается,
кто глядит, как будто прощается,
"Вот и свиделись", - говорит?

А за тем столом, а за тем столом -
лучше б век не видать, кто за тем столом!

Смотрит пьяница на знакомое,
но бессмысленно, как на пятак:
не узнал бы этого дома я,
все за вечер в нем стало не так.

Тута был лежак, я лежал под ним,
поперек же дорожка тканая –
ныне стол, как гроб, и табачный дым,
и поется песня поганая,

и бутылки на нем, и салаты на нем,
и соления, и рыбец,
и над тем столом так темно с огнем,
что зажгите свет, наконец!

А за тем столом, а за тем столом -
да лучше б век не видать, кто за тем столом!

Три медведя, пахнущие псиной.

Бледный юноша, повенчанный с осиною.

Пара моложавых упырей –
у блондина зубы повострей.

Кто с клешней, кто с козьей мордой, кто с зеленой бородой,
кто сидит-переливается туманом над водой,
кто шипами ошетинился как ежик,
а уж тех, неуспокоенных, но позванных к столу...
И стучат копыта об пол, и теней на том полу
лишь четыре, по числу столовых ножек.

А в дверях стоит та красавица,
и она петуху очень ндравится –
перед смертью худою, сивою
хорошо поглядеть на красивое.

XI

Был мужик в тоске, как в чужой горсти.
Но теперь, у женщины на виду,
проводящему говорит – "Пусти,
сам пойду!"

Страшный стол впереди,
скачет сердце в груди
белкой,

а она хохотать:
"Вишь какой, твою мать,
мелкой!"

"Наливайте ему,
милому-моему,
водки,

и сажайте к столу,
там где в красном углу
фотки.

Посмотри на людей:
мы живем без затей,
кочет,

всякий в нашем доме
угождает кому
хочет.

А уж ты мне так понравился, голубчик!
Я люблю-люблю-люблю куриный супчик".

И смеется, как со дна колодца,
так что сердце прыгает и бьется.

Вот сидит петух, словно важный гость
во компании образцовой,
тычет клювом в рюмку перцовой,
словно в мозг забивает гвоздь.

Образцовая же компания
оказует ему внимание,
подвигает поближе салатки,
молодая упырка в халатике
стоит глазки ему невинные
над тарелкой со строганиною.

Только все они чего-то ждут, похоже.
Переглянутся - и оторопь по коже.
И косятся на другой конец стола:
там, украшенная кружевом, была

примитивная видна радиоточка,
в вазе прутик без единого листочка,
рюмка - полная, но, видимо, ничья.

Пели песни, говорили анекдоты,
жарко спорили про тонкости работы,
просветленные, рыдали в три ручья,

когда в приемнике заскрежетало
и голосом стекла и металла
произнесло:

"ПРОСЛУШАЙТЕ ВАЖНОЕ СООБЩЕНИЕ".

Стало тихо, ни единого ха-ха.
Всё, что в комнате, глядит на петуха.

XII

И сказал приемник: "Едрена вошь,
наступили за здорова живешь
предпоследние времена,
и не знаю, кто здесь подставил нас,
но у них на нарах в недобрый час
оказалась сама-она.

Я не буду ждать и слова жевать:
горло драть, ребята - не глотки рвать,
это совестно пахану.
Я зараз поставлю вопрос ребром:
если надо, поляжем под серебром
все, спасая саму-ону.

Кто любил вас так, как сама-она?
Вынимал из петли, доставал со дна,
как каштан, тащил из огня?
Ни греха на черных ее крылах,
но она при черных наших делах
пожалела вас и меня.

Мы живем, как прах в водяной пыли,
под собой не чуя родной земли,
но забота самой-оны
согревает нас, ограждает нас
от серебряных пуль и нелетных трасс.
И за это мы ей должны".

Помолчал. "А теперь о том, как отбить подругу.
Делают предложения все по кругу.
Она у ментов содержится в специальной
камере герметичной, пара-нормальной.

Камера эта для наших непроходима.
Взять ее с бою завтра необходимо".

XIII

Говорили без разбору, горячо.
Предлагали все, что в голову взбредет.
А посмотришь через левое плечо –
там на улице метелица метет.

Говорили: взорвать стену-каменну –
это запросто, хоть сейчас,
а вот как взломать эту камеру,
знает кто-то умнее нас.

Говорили: как дойдет до суда,
будет проще заявиться туда,
только как же завалить нам конвой,
не рискуя ее головой?

Говорили: у того полкана
не глупей, чем у тебя, пахана,
не захочет - от него не уйдешь.
И еще какой-то помню нудеж.

А приемник молчал-трещал,
петуха вконец застрачал.

Напоследок и она заговорила,
та, что слушала, молчала и курила.

В платье черном, омраченном, как бывает изнутри
крытый бархатом футляр из ювелирки,
с наглым, голым белым горлом, а повыше не смотри,
там глаза как нефтяные дырки.

Она говорит: "Это все не годится".
Она говорит: "Да, ментам повезло.
Они понимают: попалась важная птица,
можно всю банду взять за ее крыло.

Делаем так. Не покидаем дома.
Ждать придется, но думаю, что недолго.
Рано ли, поздно ее привезут сюда
записывать, где лежала, куда бежала.
Тут и покажем, кто в городе господя,
так, чтобы это пугало и поражало".

И приемник поскрипел-поурчал,
как седею головой покачал.

И приемник односложно вздохнул,
как тяжелой головою кивнул -

и прокаркал: "Рребята, баба права,
будем их пускать на дрова.

Но сначала вынем саму-ону,
а потом мочканем их, ну?

За саму отвечаете головой.
Чуть увидим их воронок,
коридор заделаем силовой,
и едва они на порог -

прямиком из черного ворона,
из недобрых и грубых рук
мы утянем ее в нашу сторону,
как в трубу, понимаешь, друг?

Переправим нашу красу
на нейтральную полосу.

А пока всем нам коридор держать,
по нему заступницу провожать,
кто-то должен ментов отвлечь.
О тебе, петушок, речь.

Ты тово, не вздумай сейчас зассать,
за тебя она села - тебе спасать.

Все равно один не уйдешь,
так под пулю, эдак под нож".

И герой обмяк, словно горсть песка
высыпается на песок,
и такая в нем завелась тоска -
вы не знали таких тосок.

И не жизни жаль, та не стоит свеч,
а обидно так ни за что полечь,
а что более всего огорашивает -
все решили за него и не спрашивают!

"Видно, ты онемел, мальчиш.
Это правильно, что молчишь:
все давно без нас решено.
Выпей водки, поклюй пшено.

Может, смертушка не приберет:
серебро только наших берет.

Ты пришел, почитай, на готовенькое,
не ловил пулевых-ножевых.
Страховать тебя будет новенькая -
она тоже из ваших, живых".

И с дальнего стула
красавица сухо кивнула.

XIV

Тут и гости начинают
засыпать-засыпать,
выяснять, кому на шухер
заступать, заступать,
кто займет светелку, кому под елку,
а кому на печку и фук на свечку.

Кто на двор протаптывает тропку,
кто сметает мусор со стола,
а красавица приемник в белы рученьки взяла,
смотрит нежно, целует кнопку.
Укрывает салфеткою вышитой,
отставляет подальше от края.

И петух задремал, словно выжатый,
мысли зряшные перебирая.

И ему примстилось так:
контора пищет,
птица-курица летает повсеместно,
а поблизости - молчат, но кто-то дышит,
и дыхание ему небезызвестно.

Кто-то здесь чужой, ну и пусть,
выберусь - авось разберусь.

Дальше спит то весь, то не весь.
То ему тесно, то темно.
В печке загудят, скажут: эсь?
А ему давно все равно.

Просыпается: кругом благоуханье.
Рассвело, и слышно сонное дыханье.

Выпал снег, как в святочном рассказе,
горница, как горлица, чиста,
голый прут в пустой и пыльной вазе
выгнал два нешуточных листа,
жизнь кипит, как пузыри в нарзане,
упыри с умытыми глазами
принесли глазунью и чайку,
свет, как масло, капает с кроссовка.
Только черноглазая красотка
у окна бледна и начеку.

И когда запел мотор комаром,
а другой его напев подхватил,
и повисла тишина топором,
будто кто-то за нее заплатил,

красавица негромко
проговорила "Едут...",
так следует смертельный приговор.

XIII а, следует за XIV

Милая Дина, не сплю, и уже светает.
Жизнь как помадка, сладко и сразу тает.
Здесь не Москва, и курицы здесь летают.

Скоро я лягу на снег и уже не встану.
Будет у нас операция утром рано.
Местный полковник, с ним и его бараны.

Я оставляю тебе мои наработки.
В сейфе заметки, в столе рапорта и сводки.
Кончилась водка – а мне бы хотелось водки.

Сколько с тобой проработали мы – не помню,
с первого раза, с тех пор, как пошли в упряжке,
так и бежим в кругу, как слепые пони,
как стриптизерши, во тьме задираем ляжки.

Здесьнее дело особое, не такое.
Мне наказали его провести без шума.
Скоро закончится все, помаши рукою,
выдадут премию, купишь любую шубу.

Дина, ты знаешь, с тех пор, как пропала Нина,
что-то запало, как клавиша пианино,
вот и теряю волю к сыскному делу –
или оно само ко мне охладело?

Помнишь, в июне, году в девяносто пятом
оборотня ловили в гречишном поле?
Так вот и я бегу без ума и воли,
в форменном кителе порванном и измятом.

Больше с тобой не увидимся, дорогая,
и ни на том, ни на этом, я полагаю.

XV

Но когда в тихий дом, словно бес в ребро,
разом заявилося местное угро,

и когда столицая, с пушками под мышками,
с красненькими книжками сунулась милиция

оцеплять околицу и двери выбивать -
пусто было в горнице: лампа да кровать.

На кровати баба, в пасти сигарета -
взять ее под арест и сажать в карету.

Только что-то мнутя, как перед покойником,
может, дожидаются опея с полковником?

Тот выходит важный, сам пускает дым,
и несут шестерки курицу за ним.

Вот она, боится, смотрит, как печать.
Скоро-скоро мы ее станем выручать!

В горницу заносят, сажают на пол.
И тогда полковник, гладкие бока,
отодвинул опера, что курицу лапал,
и со всего размаха ей дал пинка.

А она ни звука, токмо охнула -
и земля под ними тихо ухнула.

И петух, как неумелый голубь,
оборота не стерпев такого,
на защиту ринулся, как в пролубь:
и отчаянно, и бестолково.

Не летал, как ласточка рябая,
высоко под дедовскую крышу,
лишнее выигрывая время,
а кричал, крылами загребая,
лез в лицо, заскакивал повыше -
бить-клевать полковниково темя.

Но пока он бился и ярился,
коридор торжественный открылся.

Свет вскипел, и поглядим сквозь слезы:
новый свет янтарно-полосат.
Мертвецы, медведи и березы
в ручеек играют, как детсад,

силовые линии снуют,
курицу вытягива-ю-ют...

Сделали бы все, как захотели,
и о них бы пели горожанки,
но встает красавица с лежанки
и стоит меж этими и теми.

Голосом чистопородной суки –
ноты незакатные, грудные –
говорит: "Ну что, мои родные,
принимайте их под белы руки!"

И плывет, как медленная кошка
или мяч поверх высокой сетки:
мимо печки – около окошка –
и – рывком – приемник из розетки.

Тот пролаял, будто кабыздох,
рухнул на пол, треснул и издох.

XVI

Происходит бесшумный оглушительный взрыв.
Поглядим, кто остался жив.

XVII

И пьяница видит себя на полу
в прекрасном и, кажется, красном углу.
Он видит мужские рабочие руки,
и ноги в ботинках, и полы пальто.
Он помнит, но, кажется, помнит не то.
Как после дороги, войны и разлуки,
идут головой непонятные круги,
и хочется, други, немедленно сто.

И странный озноб от макушки до пяток,
как будто состарился лет на десяток.
Он смотрит, как новенький, по сторонам,
поводит крылом, понимает: рукою,
а видит при этом другое: такое,
что видится к скорым похоронам.

Стоит вдалеке и блестит, как половник,
в прозрачных погонах стеклянный полковник,
и, остекленевши, за стеклами окон
прозрачные оперативники ждут,
а время идет, развиваясь, как локон,
и заново скручиваясь, как жгут.

Уходит во тьму коридор из стекла,
когда-то кончаясь стеклянной стеною,
и, руку рукою держа ледяною,
стеклянные в стены вмерзают тела.
И тонкий на них осыпается пепел,
как утренний снег да с высоких стропил.
И пьяница вздрогнул, и более не пил,
но вспомнил при этом, с чего он пил.

Как брел он за гробом, по снегу хрустя.
Как слезы размазывал, выйдя к гостям.
Как старшая дочь убирала портреты,
искала бутылки, грозила ножом,
как вышел во двор пострелять сигареты -
да так и ушел за своим миражом.

Какая-то бабка ему подсказала,
что есть благодетели, могут помочь,
для их подопечных в безлунную ночь
особенный скорый уходит с вокзала.
Возьмешь, что дадут, отвезешь, как попросят,

молчком как собака, что палочку носит -
и будет свиданка, обратный билет,
и счастье еще на несколько лет.

И в черненьком платье, в платочке горошком,
рукою испуганный рот прикрывая,
его неживая стоит как живая,
как свечка стоит перед низким порожком,
где черную курицу высадил опер.
И пьяница охнул.
И пьяница обмер.

И долго они, обнимая друг друга,
стояли по центру незримого круга,
и щеки ему целовала она,
как зерна клевала, когда голодна.

XVIII

А куда автор пишет
про жену обнимать,
он негромкий голос слышит:
"Руки вверх, вашу мать!"

И покачиваясь на черных, ловко скошенных каблуках,
из тени выходит красавица, и пушка в ее руках,
и, держа двоих на одном прицеле,

она бросает: "Стоять, бандитская шкура!
Я - майор Кантария из московского МУРа,
дело сделано, я у цели.

Руки за спину, встали лицом к стене.
У меня ваша жизнь в особой цене,
но на ней я поставлю точку,

если те, кто и тут прикрывают вас,
не вернут мне здесь и сейчас
год назад украденную
любимую
дочку.

Я искала ее на каждом краю земли.
Я по чистой случайности встала на верный след.
Я обманывала товарищей, но другого выхода нет,
и меня на вас навели.

Слушай, те или то, что ведает их судьбой,
звон в ушах, пятно на обоях!
Отдавайте мне дочь, иначе, клянусь собой,
докурю и кончу обоих".

Переводит дыханье. Ждет.
Время медленное идет.

И как будто кто-то незнакомый,
кто-то равнодушный и белесый
завертел у брошенного дома
снеговые мутные колеса,
слушая, не слушая, решая.
И настала тишина большая.

- Ты зачем ей голову морочишь?
Лучше с нами делай что захочешь,
но верни ей маленькую дочку -
человеку худо быть без дочек! -

говорит неведомому уху
курица ли, пьяницына женка?

- Ты отдай ей маленькую дочку,
человеку худо быть без дочек,
а уж с нами можешь не стесняться,
хорошо, что вышло повидаться! -

говорит мужик и смотрит в стенку.
А на печке дышат полусонно.

И, потягиваясь да зевая,
и, нечесаная да босая,
слезла с печки девочка живая.
И глаза впервые открывает,
на майорской шее повисая.
Вот оно на свете как бывает!
Миленькая, только чуть косая.

Знать не знает про былые беды.
"Мамамама" говорит и "деда" -
так по-ихнему и будет мама,
объяснили позже, в Балашихе.

... а в руках у мужика, такая жалость,
ровно с ним и не бывало ничего,
снова курица в корзинке оказалась.
Очень маленькая, черного пера.

XIX

Уходят, спеша и вот так: впереди
красавица с дочкой, прижатой к груди,
завернутой в теплые тряпки.

За ними мужик выходит, сердит.
И курица вдаль из корзинки глядит,
как гвоздь, не забитый до шляпки.

И побрели они по белому, пошли по голубому,
и с пригорка оглянулись, как единая душа -
неживые опера у оставленного дома
в зимних сумерках стояли, снежным прахом не дыша.

Под ногой у мужика что-то хрупнуло,
и внутри у него что-то лопнуло,
ровно обручи рвутся в груди,

да и курица, птица-печальница,
смотрит строгая, словно начальница,
а сказать разучилась, поди.

И - пошли, не тревожа себя разговорами.
И по двое, дворами-заборами,
выбирались к вокзалу, к московскому скорому.
Там и встретились, в кассах, и взяли плацкарт,
лимонад, бутербродов, и курице корму,
и колоду атласную карт.

А девочка открыла
большой щербатый рот,
да как заговорила!
да песню запоет!

"Мы едем-едем-едем
в далекие края,
и я,
и я,
и курица моя!"

Помолчал мужик,
помычал мужик,
закурил, как цыганский барон -
и выходит на темный перрон.

Нету ему ни покоя, ни утешения,
словно неверное он предпринял решение.
XX, читается факультативно

"Несколько часов спустя
на место происшествия прибыла
спешно сформированная правительственная комиссия.
Работников Спецотдела
сразу же
отстранили от участия в расследовании,
и экспертизой занимались специалисты из Академии Наук.
Еще до их приезда
все жители пригородного шоссе
были подвергнуты принудительной эвакуации -
подписку о неразглашении с них брали уже в машинах.
Избежать слухов, впрочем, не удалось.

<...>

Радиационный фон вокруг объекта
(в материалах дела он проходит как "Мавзолей")
был нулевым.

Однако
при малейшем колебании воздуха,
звуке голоса, скрипе снега и кашле
деревянные и стеклянные предметы
со звоном рассыпались в прах,
при химическом анализе оказавшийся идентичным сигарному
пеплу.

Это существенно осложнило первый этап исследований.
По словам одного из источников,
на месте происшествия
не осталось "ни единого целого бревнышка" -
не говоря уже о телах
участников спецоперации.
Тот же источник показывал нам
зеленый лист,
найденный им во дворе дома № 13 и засушенный "на память".

В наши дни дом на Пригородном обнесен пятиметровым
забором.
Там работает сверхсекретная
лаборатория МВД".

Афанасьев, "Будни МУРа".
Глава десятая, "Спецотдел".

XXI

С мокрыми стеклами спит вдоль перрона поезд.
Рядом второй разматывается, как пояс.
Видно часы, стрелки их на нуле.
Ночь прижалась, как ящерица, к земле.

И тогда жена выходит ему во встречу.
Облик ее не птичий, не человеческий.
Но черными перьями, словно тучей,
она укутана с головой,
и это последний случай
увидеть ее живой.

И она
ему
говорит:
все
во мне болит, говорит.
Все во мне болит, как вода бежит,
как течет ручей без речей.
То скулит оно, то жужжит.
Поживи без меня, ничей.

На –
на память тебе платочек.
Береги и себя, и дочек.

И она говорит ему:
ты
не ходи за мной, не возьму,
там –
прохладно.
И она ему говорит,
ты курить бросай, говорит,
ладно?

Мне давно, говорит, пора.
В животе у меня дыра:
плохо вскрыли, зашили плоше.
И теперь я пойду, Алеша.

Живи хорошо, подольше не умирай.
Захочешь жениться – добрую выбирай.

Обняла его, как матушка, недавними руками,
и тяжелыми ударами, широкими гребками
оттолкнулась, содрогнулась, от земли оторвалась,
ахнула – и, кажется, вознеслась.

И не в белоснежном пух-и-перии,
не ракетой на огненных снопах,
не под детское и ангельское пение
"День Победы порохом пропах",

а неловкими, неровными кругами
над домами, поездами, над снегами,
заносящими уазик ментовской,
над вокзальным зданием стеклянным,
над далеким гробом деревянным,
высоко над нашею тоской.

Над неспящим жалобным окошком,
над своим пустующим лукошком.
И над балашихинской панельной
девятиэтажкой ночной.
И над дочкой девятинедельной,
и над старшей дочкой неродной.

А мужик стоит, задрал башку,
и пора последнюю строку –

ВСЁ.

29 октября – 4 декабря 2006

ОБОРОТЕНЬ

Сентябрь; паутина, медь! Господня лица
 незамутненный профиль
 пресветло плывет из тонких миров на нерест, в верховья
 сфер
 (голубое, огненная слюда), —
 пора! всяк имеющий своего мертвеца,
 рой землю, клади мертвеца туда,
 предварительно вынув картофель.
 Кошка Навь учится, покинув забор,
 ходить по земле; а то и,
 выскочив в лесополосу,
 перекинувшись через пень с ножом, лишь грянет заря,
 выходит Явью из собственных пор,
 не выделяется среди сентября
 и славит денницу воем.

Оборотень ест картофельное пюре,
 перебирает застежки хлада
 на одеялах последнего зноя, нюхает воздух
 в сторону церквей,
 грязет жухлый мех в одинокой норе,
 не зрит в снах ни дев избыточных кровей,
 ни стада, —

лишь Пастыря, стадо ведущего, прощающего все —
 и то, которое. раз в сентябре, до утра,
 воет, в бессилье понять свой путь, имя, своих отражений
 пол;
 о Ты, милосерд, что остановил Колесо!
 ибо все есть прощенье — и осень, и осиновый кол,
 и пуля из серебра.

НАТАН ЕДЕТ В ПОЕЗДЕ

Как покинутый оккупант Натан в этой стране!

Тадам-тадам — стук колес короток, ночь длинна.
 Сквозь родину как сквозь песню — километры, поля, поля,
 Воронья сажа, дымы, щетина роц,
 Надрыв географии — ветер.
 Чернота отдает сиротством и лизолом.

Плацкартная полка коротка — не вытянешь ноги,
 Досуг тягуч, давящ —
 "Боже мой, что сотворю!" — и Натан
 Выходит с мужиками в тамбур.

Вся жизнь этой страны — в поездах, а душа жизни —
 В тамбурах поездов, в страстных,
 Необязательных разговорах,
 В слепых огнях папиросы.

Натан пил вместе с ними,
 Тошную водку продавливал в желудок,
 Запевал, плакал, неверными руками братался,
 Открыл книгу Ктувим: Эйха — зачитывал
 Этим людям, о чем плакал Йермиягу —
 Об одиноко сидящем городе, некогда многолюдном —
 И плакали все.

"Где ваша вера! — ликовал Натан, кашлял,
 И слоистый дым, вязок, качался — тадам! — на стыках, —
 Ваша вера — рабство, грязь — ваше счастье!
 Свиное сало зовете вы смиреньем,
 Покаянием — вот эту вашу хвастливую водку
 О вы, необрезанные сердцем!"

Слушали, ухмыляясь. Потом — били,
 Весело, подвесили с гаком: "Ах ты!..
 Нна, нна!" Тадам, тадам.

Натан повел шеей, разлепил веки. Уставил руки
 В пол, подтянул тело, оскальзываясь на мокром
 (Слюна, зараза, густа, прилипла,
 На губе висит — тадам! — качаясь),
 Слушая боли волны тупые, замер.

"Эй, Боже, не спи! Твоя Шехина во мне страдает!"

И Шехина в ночи к Натану сходит,
 В тамбур войдя, верного утешает,
 Отирает слизь, кровь прохладным покрывалом.
 "Боже мой, дай же мне сил, ярости, жизни!
 Я не могу жить среди них, Боже,
 А они не хотят умереть со мною,
 Огонь и серу на них, огонь и серу! не медли!"

Шехина не отвечает,
 Вздыхает тихо, поворачиваясь, уходит.

"Эй, куда?! — страшное подозренье!
 Неженск профиль сутулый, в руках дыры, —
 Кто ты?! А ну стоять! Стоять, сказал! Руки,
 Руки! Повернись, открой покрывало!
 А ну скажи "шибболет"!"

Уходит, тает. "Не может быть! — неподвижно
 Замерев на коленях, Натан смотрит, — быть
 Не может", — смотрит в место отсутствия ушедшего,
 уже пустое,
 Но полное света.

НАТАН ПРИНИМАЕТ САН

Резиновым спиртом техническим небо
 До скрипа вымыто.
 На серых досках лиц как ногти — глаза.
 Польша и крапива. Сип: "Жид!..
 Помои — с крылец: нищий приход,
 В воскресную школу не ходят, скособочен храм.

Рукоположен и сослан!

Жара зияет, вечный
 Иван Купала здесь — ворота приперли
 И скалятся, бесенята! Богоносец
 Ласковым матом коровенку нудит — утром
 Прибудут сбиратели костей, скупщики шкур,
 Следами глин, перелесков рыца, сельцо отыщут.
 Чем, зачем жив, пейзаин!..

Дом, бревна. Золотой досуг потерян.
 Ватными, волглыми пеленами в ночи укутан,
 Язвят комары, каменно ложе целибата
 (Жена давно в Хайфе), в касе голо,

Свечной слежавшийся воск трачен мышами,
Обручальное кольцо и две золотые коронки
Перепроданы — деньги ушли в счет налогов
На содержание епархии, и неотвратимо
Ежевечерне тащится к пряслу единственный захожанин,
Сосед-совопросник, кашляет дымно, ехидно:
"Отец Натан, вот ты мне скажи-ка!.."
И никто, никто не попросит:
"Батюшка Натан, помолись".

Проснулся среди ночи: ох! Не сан был — сон
(Как зашло сердце!).
Натан переворачивается набок, лицом попадает
В теплое гниловатое дыхание жены нутряное,
Ночь шуршит, законные фары
Сдвигают в спальне предметы, тени, —
Скукоживается, плачет: зачем, зачем крестился!
Вот теперь не боец двух станов, оттуда и отсюда подстрелят!
Помоги, спаси — я мал, узок,
Я бедный оле, а эта страна Богоносна,
Но если б я знал заранее, какой Ты, нести Тебя,
тяжелый!..

Всхлипывает еще раз (слезы
Натекли под щеку, впитались в перо подушки) —
Ну что же, остается
Быть стойким. Не зря они говорят про нас: у них
стойкость —
Замена святости.

Андрей Родионов

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ КУЛИНАРНАЯ

За бортом чужой и враждебный мир,
Новых странных планет круговерть.
Заболел инженер, и тогда командир
Разрешил подарить ему смерть.

Наше топливо кончилось, скоро как год
Мы дрейфуем в краю мертвых звезд.
Есть в огромных цистернах запасы белков,
От которых у всех тут понос.

Да, еды у нас хватит на тысячу лет,
Хорошо, что мы раньше умрем.
Мы дрейфуем среди мертвых и древних планет
И от пищи белковой гнием.

Говорят, что раз в год в этой части небес
Пролетает ракета с Земли.
А пока капитан мертвецов наших ест:
Инженера к нему унесли.

Может быть, он наврал, что двигатель мертв -
Зреет мненье среди наших ребят.
Может быть, мы лишь мясо для чьих-нибудь ртов:
Всех сожрут и вернуться назад.

Людоеды, чудовища древних миров,
Наберут в экипаж новичков,
Привезут их сюда, выключают мотор
И весь год потом жрут дурачков.

Злобный ящер в контейнере - это был груз
Зоопарку на Альдебаран.
Может быть, с ним вступили в преступный союз
Повар-враг и мудака-капитан.

Почему до сих пор отвратительный монстр
Не подох от нехватки еды?
От белковой-то пищи воротит он нос:
Год прошел возле красной звезды.

Скоро год. Исчезает один за другим
Моего корабля экипаж...
Скоро очередь, Марта, за мужем твоим.
Не волнуйся, я робот-муляж!

***

Превращаются в ткани живые машины,
Неживые машины мои.
Я человек лишь наполовину -
В созвездии Наполовину-Змеи.
Пока вены не вскипели жидким металлом,

Надо оторвать лицо от резинового коврика.
Кто укрыл меня силовым одеялом,
Кто пожалел робота-алкоголика?
В брошенной крепости на планете-пустыне
Я прихожу в сознание после бойни.
Кто меня вылечил – свои, или чужие,
В краю, где бушуют звездные войны?
Это женщина с золотистыми волосами
В конце коридора с обвалившимся потолком,
Это она меня выходила,
И теперь что-то произойдет между нами.
А в рубке остались бутылка и сифон.
Она – потомок расы древнейшей,
Она помнит Первых, а я ничего, хоть убей,
Она знает про тумбочку с фотографией гейши,
Она знает, кто уничтожил моих людей.
Затаившихся врагов не обнаружил локатор,
Мы были разбужены взрывом стен.
Она говорит: спи, отважный навигатор,
На этой планете ты и я – одни совсем.
Мое древнее волшебство исцелит твою душу:
Ты больше не вспомнишь про свой сифон.
Враги улетели, корабль твой разрушен.
На этой планете теперь навеки наш дом.
Я встаю, мои руки и ноги целы,
Дева берет мои руки в свои.
Но я лишь получеловек, и у меня в глазах прицелы.
И в инфракрасном излучении
Я вижу тело полузмеи.
Напрасно, дура, ты думаешь, что меня бросят свои.
Но я пока ничего не расскажу тебе:
Инструктор в школе предупреждал,
Что когда такие женщины просят -
Лучше соглашаться и все терпеть.
Здесь три луны и четыре солнца,
И воздух, которым можно дышать.
Пойдемте, мадам, чем-нибудь там займемся,
А звездные войны могут подождать.

***

В безлюдную маленькую комиссионку
вытесненную на задворки большого рынка
девочку отдали в услужение старушонке
родители, привыкшие жить по старинке

из розового с белым сталинского здания
она приходила утром ранним
и весь день между платьями старыми
стояла, следя, чтоб ничего не украли

старушонка, которой девочка помогала
вела почти бессмысленную телефонную тяжбу
со своими и чужими большими мозгами,
большими зубами, это страшно, страшно

иногда в магазин забредали снобы
в поиске редких комиссионных безделушек

для революционных идей завтрашней моды
перебирали вещи несчастных бедных старушек

девочке из окна был виден дворик
с мусорным контейнером и глухим торцом пятиэтажки
там собирались подростки и, как бывает, вскоре
один мальчик ей стал все чаще на глаза попадаться

как-то он зашел к ним в комиссионку
и принес в целлофановом пакете с ручками
мельхиоровых и серебряных вилок и ложек
от которых как и от платьев комиссионных пахло
старушками

он сказал ей что-то простое, вроде – когда будут деньги?
ой, скоро отдадим, – за нее ответила старушонка
потом, когда он ушел, добавила – неблагополучные дети
там они все такие в этих хрущевках

но молодые люди уже почувствовали нечто между собою
что сильнее наркотиков и дурацких романов
то, что в Америке называют любовью
и что, кажется, отличает человека от обезьяны

они начали в тайне от всех встречаться тихонечко
и как-то, что бы в кинотеатре хватило на билеты
он сдал в комиссионку фаянсовую коробочку
с мельхиоровой крышечкой – с войны привезенную дедом

коробка, в которой какой-то фриц держал щетки зубные
немного сколотая с одного края
была последним предметом, с которого откупные
в качестве налога на их любовь получила страна
большая

потом мальчик, названный "педалью от мопеда"
надоед девочке, ставшей хозяйкой магазина
а фамильная ценность – фаянсовая коробочка деда
уже трофеем не войны, а любви – на витрине

фаянсовые пеналы для зубных щеток
с крышками тусклыми из мельхиора
видим мы на витринах комиссионков,
но накопим на них очень не скоро

и видимо, никогда на эти трофеи
тяжелой страшной войны с фашистом
у сталинской Джульетты и хрущевского Ромео
не хватит тысячи триста

* * *

Ночью возле трудового летнего лагеря,
Где отдыхали учащиеся бывшей нашей школы,
Мы поставили три палатки
И стали бухать
Пили всю ночь и все утро
Днём спали

Вечером пошли на дискотеку
Баб снимать
Потому что все были пьяные
Никто ничего не соображал
Дискотека была испорчена
Никто не танцевал
Мой друг Филиппов повздорил
С учителем физкультуры
Спор перешёл в драку
Затем в бойню
Учитель физкультуры убежал
И Филиппов избил Михея
Своего товарища с которым вместе
Сюда тусоваться приехал
Он отдал мне свои очки
И сказал: Я убью Михея
Ничего никто уже не понимал
И Михея всё время спрашивал
Который час?

Четверо несли Михея в лагерь,
А мы пошли в корпус
Где спали девочки,
И одна девочка сказала в темноте:
Пусть ляжет со мной
Богатырь в очках
Потом мы шли
Сквозь кукурузное поле
И Филиппов потерял очки и носки
Он был весь в кровоподтёках
Но он победил всех
И тогда упав на одно колено
И поднявшись с трудом
Он произнёс:
Андрей, напиши об этом,
Напиши об этом правду
И тогда я вспомнил
Как Анна Ахматова
Стояла в очереди чтобы
Отдать передачу своему сыну
В тюремном дворе в Ленинграде.
Какая-то женщина
Узнав её спросила
Может ли она всё это описать,
И Ахматова сказала – могу.
И я тоже сказал
Что – ДА!
И тогда нечто похожее на улыбку
Тронуло то, что когда-то
Было губами Филиппова.

НОРМАЛЬНЫЕ ЛЮДИ

Он попросил сигареты дешевые
И зажигалку светло-зеленую.
Подняла на него глаза продавщица
Тихо сказала: "С вас четырнадцать-тридцать".

Не страшно ему было водки купить,
Ночная очередь не роптала.
И прямо в магазине он стал ее пить
Перед той, что ее продавала.

и что это за фигура
в углу за диваном скорчилась,
игра была долгой и трудной
и до сих пор не кончилась.

Заходили люди, и один бандит,
В очереди стоявший последним,
Сказал, что этот парень, должно быть, сидит
На этой дуре, как я на бледном.

И все на него оглянулись резко,
А он пожал плечами и отвернулся.
И какой-то голос робко попросил нарезку,
Но на этот голос никто не обернулся.

И этот кто-то сказал чуть громче, чем было надо здесь:
"Ребята, я только что из сумасшедшего дома!
Извините, просто очень хочется есть!"
И тогда все обернулись и посмотрели на больного.

А он спрятал голову в воротник,
Пытаясь скрыться от пронизывающих взглядов.
И подал голос небольшого роста старик.
Он тихо сказал два слова: "Не надо!"

И вся очередь вдруг изошла говном,
Кто-то закричал, что торопится на электричку.
И какой-то мальчик с бледным лицом
Попытался вытащить из очереди мать-истеричку.

"Два батона и молочко!" - был слышен мужской
Срывющийся голос, принадлежавший старухе
Небольшого роста с ярко покрашенной головой
И с маленькой серьгой в правом ухе.

"А ты вообще, переодетый пидор, катись!" -
Мальчик с бледным лицом вдруг закричал ему, краснея.
И залетная проститутка, ожидавшая такси,
Разразилась истерическим хохотом нюхательницы клея!

Объединившиеся в маленьком придорожном мирке -
Выпивший водки чувак и продавщица, его девчонка, -
Смотрели, как многие люди, зажав что-нибудь в кулаке,
С пеной у рта убеждали друг друга в чем-то.

Когда подъехала милиция, я был уже у шоссе,
Понимая, что интересного больше ничего не будет.
Со стороны казалось, что в магазине дерутся все,
Но и там еще, наверное, оставались нормальные люди.

* * *

Говорила мама вежливым голосом:
Играй, пожалуйста, на виолончели
тогда за это бонусом
пойдешь во двор на качели,

Павел Гольдин

* * *

Позавчера, третьего июля,
при выполнении задания
летней полевой практики
студенты второго курса
во время экскурсии в бухте
поймали молодую русалку
(вид – *ponthoeuxina*, эндемик,
Международная красная книга),
партеногенетическая самка,
длина тела сто пятьдесят сантиметров,
масса тела пятьдесят четыре килограмма,
обхват груди девяносто шесть сантиметров.
После проведения обмеров
и взятия биологических проб
русалка была отпущена
согласно правилам рыболовства.
Образцы ДНК и шерсти
хранятся на базе университета.
Запись песни передана
в центральную фонотеку.

ыли ыли лыбы плыли
ставлыда балыгы
пэламыда балыгы
юнус афале кушай кефали
с неводом юноша милый
с неводом юноша милый
одна волна и сеть твоя полна
одна волна и сеть твоя полна
с неводом юноша милый

* * *

Герман идет по плато
Маузер в желтом пальто

Кругом неспешная равнина
Два ворона – как два раввина

Снег и белая глина. До самой ночи
Германа будет видно из любой точки.

Кругом сердешная равнина
Два дерева – два дворянина

Дует ветер. Много становится неуместным.
Герман находит пещеру. Выходя из нее, он уже Герберт.

(дваво ягли двадва человекобуквы)
(дваво ягли двадва человекобуквы)

Кругом нездешняя равнина
Кругом нездешняя равнина

* * *

Равнина стала черной и блестящей
и двинулась к равнине настоящей.
Повсюду чаек вывихнутый хохот
и гад морских необычайный хобот.
Кругом ни молочая, ни полыни.
Темно в стеклянной сказочной долине.
Вдруг дрогнул воздух в области пустынной:
раздался не безумный – *безуыный* –
чавыкающий, ыкающий звук,
двоящийся парнокопытный зуг...
...железный заяц, розовый, как пламя,
визжит и воет, лязгая зубами,
а перед ним – насмешливый шайтан –
трясется мерзкий медный нехуштан...
И хочется чураться этих мест,
да всё слова нейдут и ноги ноги...

Кавалер видит себя
лежащим на спине в лодке на берегу.
Его рука касается песка.

НАСТЕНЬКА

Настенька рассказывала:
она получила единицу по этикету:
вместо того чтобы сделать реверанс,
склонить голову и тихо прошебетать по-французски:
"Батюшка изволили скончаться апоплексическим ударом"
(будто отправился поездом и третьего дня прибудет к
намеченной цели),
вбежала в класс, плакала, кричала: "Папа умер! Папа!"
(у нее прекрасное образование;
она выговаривает с очаровательным акцентом:
"Решением революционного трибунала...")

* * *

Стоя в снегу, о рыбах подумал Андрей:
нынче же ночью, подумал Андрей, мне привидится рай –
книги, и рыбы, и кошки, и рыжая Ленка, и с нею Андрей
слушают сонного ангела – рыбу с моей бородой
и рожим живым саксофоном.

* * *

Полковник пришел на околицу рая,
и ангелы видели мясо героя
(желтый и сизый зловонный цветок).
Тело полковника – будто воронье гнездо из веток,
в центре – перламутровая шкатулка, швейцарский нож,
круглое зеркальце

* * *

итак, перед нами идол – ужасный вождь:
 на его голове и груди – некрашенная звонкая жезль
 в его хребте вершковый кованый гвоздь
 на его ногах густая синяя шерсть;
 ему делали жертвы
 древние глупы и мертвы

* * *

Василий, храбрец,
 на берегу солнце жрал –
 перемазался кровью, огнем,
 жиром, вязкой мочой, рыжими внутренностями
 камнем у моря уснул –
 жаркий, опухший, святой

* * *

весь вечер мой оркестр выступал в клубе;
 я пел песни моего народа,
 о любви и о путешествиях,
 о пустыне и о несчастье моего народа,
 поздно ночью я вышел покурить,
 Соня осталась ждать в клубе,
 с квадратной бутылкой в руке я пошел покурить
 и все думал о путешествиях;
 на небе горели костры, и я ослеп от их света;
 я надел очки и увидел, что это четыре солнца
 по четырем сторонам света;
 вокруг луны было четыре солнца,
 а сама луна была в дымной петле,
 млечный путь обвился вокруг луны,
 как змея вокруг сына моего народа,
 млечный путь свисал с неба к моим ногам,
 и моя душа была как луна в петле,
 я вывалился из души как свалился с луны,
 бутылка упала к моим ногам,
 я пел и качался в дымной петле,
 и вокруг сияли четыре солнца,
 посмотрел – моя душа уходит по дымной петле,
 и вокруг сияют четыре солнца,
 я пел, а она даже не обернулась,
 я вернулся в клуб, говорю Соня,
 а она даже не обернулась

* * *

– Нет у тебя ни жасмина, ни розмарина,
 об орхидеях и речи нет;
 мешок перловки на зиму –
 вот все твои драгоценности, синий чулок

– Он ночью прислал мне письмо,
 пишет – когда нас подбили, долго не мог привыкнуть,
 теперь женился на местной, работаю у тестя в саду,
 устрицы, крабы, тюлени и все такое

– Слушай, сестра, зачем тебе эта перловка?

Дмитрий Шкарин

ИСТОРИИ

Вначале было тихо.
Потом стало погромче.
И лишь когда долбануло на всю катушку,
Возникли уличные проститутки, пингины и картошка.
Велик космос в своем объеме.
И, что характерно, там везде звезды.
Иной раз по несколько звезд рядом висит.
И этот самый космос имеет внутри себя землю, на которой живут и мы и звери.
Вот такой вот – наша жизнь.
Иной раз по несколько звезд рядом висит.
И висят себе, висят.
И висят.

Она как богатая была.
Она как страдала даже!
И он такой печку делает даже.
Она ему и говорит:
-Печку делаешь?!
А он ей и говорит:
-Печку делаю!!!
Ну и такие влюбились друг в друга.
И она такая сигару сдуру курила в ресторане, с банкирами.
Ох, с банкирами.
Потом-то она с собой-то и покончила!
Ой, сдуру, сдуру, сдуру.
Ай, какая!

А мужик решил сходить за молоком даже
Прям из тамбура домой.
Рядом с ним мужик стоял и даже
Тоже в космос смотрел, куря.
-Куда едем? – спросил первый мужик.
-Во Владивосток, вроде, - ответил, заявив, второй мужик.
-Куда поезд-то идет, спрашиваю, - снова сказал первый мужик, спросив у второго мужика.
-В Москву, вроде, - произнес, ответив, другой мужик. – А тебя хоть как звать-то?
-Геной, - сказал Гена, а еще Гена любил лазать по стройкам, - меня звать-то.
-А меня Вася, - высказал оказывается Вася и вылез прям из поезда домой.
Тоже грусть такая, прям из поезда домой.

И тут однажды такая мама
 Двумя голыми девочками стала мама.
 Ну и такие мылись мы.
 Кто-то с потолка слез и сидит.
 А вокруг две голые девочки сидит,
 К тому же они были мама сына.
 А сын ее старше ее был и начальником экспедиции работал.
 -Он у тебя что, трилобит? – спрашивает одна у другой, видимо, про него.
 -Что у него лоб-то такой выпуклый? Он чего-нибудь понимает али как?
 -Да какой же он трилобит, если он у нас начальником экспедиции ведь?!

У него просто двойной мозг. Он как мутант ведь.
 А я вдруг, призадуматься, скажу, был он как человеком какой-нибудь,
 А не гиппопотам, из леса прискакав, каким-нибудь.

Возвратились из железнодорожной экспедиции домой.
 А там в шкафу лысый кака сидит и фигушками вращает, боже мой.
 Сразу поняли, что это мерещага, аж на душе потеплело, боже мой.
 Кто кого существует, боже мой?
 Существует кто кого, господи ты боже мой, бильдуклы?
 Ай-ла, ла-ла, ла-ла-ла, бильдуклы.
 Ай-ля, ля-ля, ля-ля-ля, бильдуклы ты боже мой.
 Бильдуклы ты боже мой.
 Бильдуклы.

А неудавшийся бандит денег назанимал, да все проиграл.
 В казине, ты мое, в казине.
 Убежал и думает бандит:
 -Что мне далече делать.
 Спрячуся, меня все-равно убьют.
 Бляха-муха, ну и невезуха.
 Е-мое, ну, е-мое.
 Ексель-макоксель,
 Кирдыкс и капитоксель.
 Ну ерш твою медь.
 Бляха-муха.

Хороший в плане заинтересованности человек нам выпал, господа.
 А подруги его умны и сыты.
 Хороший в плане заинтересованности человек, господа.
 Пошел в ресторан официанток спаивать, а проснулся в общежитии.
 Кругом что голые бабы стоят, господа.
 А герой песни в больнице словно работал грузчиком-трупосборником–труповозом с мохнатыми ушками.
 Вот такая мне песня приснилась ночью, бабоньки.
 Грусть такая, он проснулся в общежитии.

Президента убили!

Тут надо мыслить чисто логически.

Я его не убивал.

Кто ж убийца?

Может, убийца в подвале сидит, удочки гложет, кот в сапоге какой-то, убийца.

Пойду опрошу постояльцев.

Постояльцы, сидеть на месте, когда тебя не спрашивают!

-Леха, ты, что ли презика грохнул?

-Не, не я. Хошь напишу объяснительную. Так и так, жопой об косяк, сидел срал, а его-то и грохнули из лука со стрелами в спину.

Чем не алиби?

-Ладно, пойду в подвале спрошу.

-Не, сходи к Семеновне, она-то точно знает. У ней вместо ушей телескопы установлены.

-Семеновна, знаешь?

-Не, не знаю. Тьфу-тьфу-тьфу, не скажу.

Все слышит, стерва старая, но молчит, кто историю запортил.

Короче, пока всех жильцов не опросишь, никакой конца истории нам и не снилось.

Линор Горалик

* * *

Утром сорок второго она сбежала.
Он разбил копытом зеркало, орал на ее мать,
Бывшую монахиню, теперь – жесткую и неприятную актрису.
Потом бегал по улицам и звал ее,
адским ревом перебивая свистки товарных поездов
с торчащими из вентиляционных окон умоляющими руками.
Такая маленькая, беленькая; длинная юбка.
В записке, оставленной на радиоприемнике, она говорила:
"Папочка! Я знаю, ты делаешь то, что должен.
Но мне кажется, что я схожу с ума."
Он бегал по каким-то кабинетам,
где его, конечно, знали,
вытягивались в струнку до дрожи,
цепенели.
Кто-то куда-то звонил, рассылая школьную фотографию.
В два часа ночи он вернулся к себе и напился,
перевернул пару котлов,
расколошматил вилами радиоприемник
и заснул страшным сном.
Беленькая, с голубыми глазами.
Длинная юбка, аллергия на бензойную смолу.
Внимание, внимание,
говорит Германия.
Сегодня под мостом поймали девочку с хвостом.

* * *

Молодой лев Василий
с добычи, сын Божий, поднимается,
над ним заря занимается,
на него ползут танки.
Он сжимается на дне воронки,
хочет отсидеться в сторонке.

Где кончается нейтральная полоса,
сразу начинаются небеса.
С утра говорили про груди, какие особенно хороши.
Сошлись на том, что большие.

Политрук всех крестил, говорил: "Зайки,
через два часа встречаемся у Петровой будки.
Там поют бабы с крыльями, рассасываются спайки.
в облацах полно водки.

Не оставит вождь свое воинство,
обо всяком побеспокоится.

Уготованы нам дебелие немки, у них вот такенные дойки.
Отведут они нас на чистые человеко-койки,
поднесут молоко и мед, млеко-яйки".

* * *

Яблони зачервоточили,
у мамы вены к весне истончали.
Возле райкома партии в Кутаиси
дети катаются на "мерседесе",
церковь разваливается во всей красе,
самолет на Москву шкандыбают по полосе.

Ну и оставайтесь с женами и сыновьями
Между Джвари и Гурджаани,
с церковью, где маму крестили,
с роддомом, где папу к ней не пустили.

Мы и получше пивали хмели.
Едали мы ваши сунели.
Подумаешь. И не таких джуджалари

* * *

В потной маршрутке по дороге к продуктовому рынку
она представляет себе аварию,
- как они оба попадут в рай,
где он будет любить ее заново, -
так, что перестанет болеть в груди
при виде рекламных буклетов с идиотскими пальмами.
Восемь лет брака;
все еще можно будет собрать по косточкам, - думает она, -
под златолистыми деревьями,
в осиявшем пламени,
среди дивных плодов, лежащих ошую и одесную.

Маршрутка резко дергается,
объезжает "волгу",
останавливается у вывески с яблоками и апельсинами.

Он представляет себе аварию, -
как он попадет в рай
и там, наконец, выплечется.

* * *

Как в норе лежали они с волчком, -
зайчик на боку, а волчок ничком, -
а над небом звездочка восходила.
Зайчик гладил волчка, говорил: "Пора",
а волчок бурчал, - мол, пойдём с утра, -
словно это была игра,
словно ничего не происходило, -
словно вовсе звездочка не восходила.

Им пора бы вставать, собирать дары -
и брести чащобами декабря,
и ронять короны в его снега,
слепнуть от пурги и жевать цингу,
и нести свои души к иным берегам,
по ночам вмерзая друг в друга
(так бы здесь Иордан вмерзал в берега),
укрываться снегом и пить снега, -
потому лишь, что это происходило:
потому что над небом звездочка восходила.

Но они всё лежали, к бочку бочок:
зайчик бодрствовал, крепко спал волчок,
    и над сном его звездочка восходила, -
и во сне его мучила, изводила, -
и во сне к себе уводила:
шел волчок пешком, зайчик спал верхом
и во сне обо всем говорил с волчком:
    "Се," - говорил он, - "и адских нор глубина
    рядом с тобой не пугает меня.
    И на что мне Его дары,
    когда здесь, в норе,
    я лежу меж твоих ушей?
    И на что мне заботиться о душе?
    Меж твоих зубов нет бессмертной моей души."
И волчок просыпался, зубами касался его души
и лежал, никуда не шел.

Так они лежали, и их короны лежали,
и они прядали ушами, надеялись и не дышали,
никуда не шли, ничего не несли, никого не провозглашали
и мечтали, чтоб время не проходило,
чтобы ничего не происходило, -
    но над небом звездочка восходила.

Но проклятая звездочка восходила.

* * *

Вся столица сияла, сияла да толковала,
как Маруся над лесом летала да токовала.
Вся станица слушала, слушала да кивала,
как Маруся певала:

"Да, допускаю, что будущее тревожно,
но войско Твое отважно.
Из того, что нужно, многое невозможно
и потому неважно.
Все, что от Бога, страшно.
Все, что от мамы, ложно.
Все остальное, в целом, совсем несложно:
    Смерть непреложна,
    Истина неизбежна."

У Маруси два пулевых, одно ножевое.
Немцы ее того - а она живая.

Борис Херсонский

ТЕЛЕФОННАЯ КНИЖКА

29-31-27 (позвать Давида Иосифовича)

Помню фанерную будку, в которой ему точил огромные ножницы пожилой горбун. По будням шил в ателье и раз в году проносил портреты старых кретинов мимо трибун.

Теперь кретины моложе. И выражение лиц у них изменилось. Посмотришь — и смех и грех. Фанерную будку снесли. Точильщики перевелись. Режущие предметы оказались прочнее всех.

Режущие предметы. Сталь и железо. Слегка траченные ржавчиной, они и сейчас в ходу. Ножницы вышли в финал. Сжимавшая их рука давно под плитой в портняжном зряшном аду.

В лучший мир перемещался несколько раз. Балта, Одесса, Хайфа, потом — Нью-Йорк. Трудно сказать, что он ощущает сейчас, но прежде переселения его приводили в восторг.

Мир вокруг расширялся — а он сжимался в комок, и это было нормально. Невелика печаль. Просто еще один пережить не смог ему служившую верой и правдой сталь.

421-43-77 (Миша)

Беззубый безумец Шапиро идет, прижимая к груди пару-тройку бесценных старинных томов. Узнавая меня, машет рукой: заходи! Хоть на пару минут заходи, хоть на тройку слов.

А я б и зашел, да больно квартира тесна, от двери к дивану прорыто нечто вроде тропы. Все заполнено книгами. Даже проем окна наполовину заставлен. Нечто вроде толпы

бесцельных, бессмертных мыслей стоит вокруг убогого ложа, застланного тряпьем. Я бы зашел к тебе, мой безумный друг, — жаль, что в доме твоём нечего делать вдвоем.

Впрочем, несколько лет у него жила медсестра все из той же больнички для лишенных ума. Глядя на старые книги, она говорила: "Пора это убрать к чертям". Но убралась сама.

89-17-24 (позвать Берту Исааковну)

На самом деле детские годы полны чудовищных сцен насилия. Крыльями бьют у стены недорезанные цыплята. Кровь на белом пере. Одурачивающий запах и клеток в тесном колодце-дворе.

Дальше — больше. В накрытом тряпкой ведре кончается жизнь котят. Или — мурлыкающий лай собак из машины с клеткой. Гицель с огромным сачком гоняется за голубями. Поймает? Как бы не так! Ему подставляют ножку. Летит с размаху, ничком.

Или в кухне Берта силком разжимает клюв многоцветному петуху, воду вливает — "Гей, все равно зарежу!" Петух глотает, икнув. Берта идет за ножом. Я наблюдаю за ней.

В проеме видна склоненная над стульчаком спина, узел седых волос, темный халат в цветах. Два движения локтем. Десять минут она удерживает птицу в крепких отечных руках.

Лапы торчат из кастрюли. Потроха поглощает кот. Хлопает дверь в сортир. Громко бранится сосед: "Не кухня, а птицерезка! Мейн Гот, ну что за народ!" Берта не слушает. Берта готовит обед.

21-93-39 (позвать Алика или Олю)

Любитель "Чикаго", Градского, Вертинского и икон. Смесь цыганки и армянина. Интеллигентный торчок. Кто-то сшивал воедино то, что раскраивал он. Друг рисовал наклейки. Продукция шла на толчок.

Стройный парень крутит педали. Петлистые уши всегда заткнуты классной музыкой. Взгляд устремлен вперед. Портной жил на улице Бебеля. Я заходил туда полистать альбомы "Рицолли" и зажевать бутерброд.

Шагал и Дали на полке. Ориген — для души. Девочка из интерклуба. Крутая подружка с ней по кличке Барная Стойка. Портной говорил: "Не спеши". Но я спешил. "Пожалеешь!" — "Возможно. Тебе видней".

Жена появилась позже — вместе с ангорским котом и токсикозом беременных. Жизнь складывалась так-сяк. Полгода он любовался разрастающимся животом. Потом терпенье иссякло. Он выгнал ее на сносях.

Два штампа — брак и прописка. Проклятый квартирный вопрос. Повестки. Решение суда. Апелляция. Ни хрена! Портной подобные вещи принимал не слишком всерьез. Рядом с ним распухла другая беременная она.

Но и эта не удержалась. Как-то раз он ехал в лесок подкуриться, отвлечься на час от нудоты земной, но грузовик, проезжая, чиркнул зеркалом в левый висок, и, поднажав на педали, в мир иной укатил Портной.

Тут и сказке конец. Ни роз, ни траурных лент. На поминки я не пришел — там намечался скандал с выдираньем белых кудрей, накрученных на перманент. Друг-художник явился. Было хуже, чем я ожидал.

34-58-00 (Евгений Колманович)

Вязкая алая слава растекалась по мостовой.
Мальчик резвый, кудрявый в кожанке и очках
шел во главе отряда с запрокинутой головой.
Когда он обернулся старцем, я числился в новичках:

накрахмаленный белый халат, болгарским крестом
вышиты инициалы. Молоточек и стетоскоп.
Клинический номер один областной сумасшедший дом.
Старец жил при больнице вдвоем со своей тоской.
Он все еще консультировал и поднимал с трудом
аппарат для электрошока — одной рукой.

Мы знали: в двадцатом году он работал в тюрьме.
Фельдшером. Он лечил предназначенных на расстрел.
Все были чокнуты, двинуты, все — не в своем уме.
Убивали и умирали. А он на это смотрел.
Их раздевали донага. Тела белели во тьме.
Он констатировал смерть. Контролировал вывоз тел.

Дважды в месяц я отправлялся в ночной обход.
Шел вдоль стены. За мною больничный пес
тащился, тихо поскуливая. Глухонемой небосвод
пылился крупными звездами. У старца под окнами рос
чахлый кустик жасмина. Я стучался (условный код).
Он открывал: "Входи. Выкладывай, что принес".

Хлеб, колбаса и шкалик. Садись туда, где светлей —
к письменному столу. Ему перехватывал грудь
мучительный кашель. Он говорил: "Налей.
Мне сейчас полегчает. Вот, закуси чем-нибудь.
Они бы тебя не жалели. И ты о них не жалей.
Они бы тебя не вспомнили. И ты обо всем забудь".

Неделю спустя он лежал в гробу, подтянув губу
к заостренному носу, как будто хотел сказать:
"Больничная сволочь. Придурки. Я вас гробу.
Буржуи. Чекисты. Педики. Вашу мать.

Я вас трижды видал там, где лежу сейчас.
Высоковольтным разрядом выбью из головы
беспросветную, гиблую дурь любому из вас.
Живите! Я прожил дольше, чем проживете вы".

82-14-72 (спросить Додика)

"Если б мне отрезало ноги, я бы уехал в США".
Странная логика. Додик повторял это тысячу раз.
Папиросы в кармане, в спичечном коробке анаша.
Синие джинсы "Вранглер". По тем временам — класс.

Его доконал диабет. Ампутация стоп.
С эмиграцией торопились, но очередь не дошла.
Был компьютерный номер, но сердце сказала "стоп".
Скорая опоздала. Опоздала — и все дела.

Десять лет спустя из Чикаго приехал брат.
Он хотел разыскать могилу. Задача была — пустяк.
Известно название кладбища, участок и даже ряд.
Но в Одессе он встретил девушку. И все — наперекосяк.

Две недели они гудели. Принимали до литра на грудь.
Превратили квартиру в бедлам. Там не осталось мест,
не запятнанных спермой. Брат пустился в обратный путь,
она через год в Варшаве получила визу невест.

О покойном. Однажды на пьянке под Новый год
он буквально взбесился. Вскочил и начал пинать
ногами кого попало. Его скрутили. Народ
кое-как успокоился. А я пытаюсь понять,

как рыхлый еврейский парень каблуками модных сапог
смог в новогодний вечер, напившись в дым,
вставить под ребра каждому, кто не лишится ног,
не будет хвататься за сердце, не умрет молодым.

249-11-22 (Осик, Леонид Аркадьевич)

Ему было меньше двенадцати лет, когда
пионерию наградили — какой-то там юбилей —
орденом Ленина. Началась чехарда.
Линейки. Поездка в Москву. Очередь в Мавзолей.

Осик ждал, когда всем пионерам раздадут ордена.
Не дождавшись, рыдал в углу неделю подряд.
Его не волновали коммунизм, страна, целина,
все, что он читал — каталог советских наград.

Через год он знал, что орден Ленина — "дед"
стоит рублей пятьсот. Драгметаллы, эмаль.
"Звездочка" в той же цене. Список подвигов и побед
измерялся бумажками. Было немного жаль.

Нет, не денег — иллюзий. Покупка, обмен, обман.
Он терся среди барыг. И втерся в круг через год.
Ему не мешали ни возраст, ни полупустой карман.
И если он делал ход, то это был верный ход.

В семидесятые годы, ощущая сродство
тоталитарных режимов, он собирал подряд
"советы", "китай" и "наци". В собрание его
было до пятисот разнообразных наград.

В миру он был врач-кардиолог. В кабинете стоял манекен
в кителе, сшитом из враждующих половин:
слева — звезды, справа — кресты. Вдоль белых стен
красовались стенды. Здесь он отдыхал один.

Я там появился однажды по просьбе его отца
через год после того, как сына хватил удар.
Остаточные явления. Выраженье его лица
меня поразило. Казалось, он был безнадежно стар.

Отец смотрелся моложе. Он стоял в стороне,
следуя за ходом осмотра. Зная все наперед.
Три еврея. И ценный военный плакат на стене:
"Радуйся, фюрер! С тобой немецкий народ!"

8-10-7-278-417-32-36 (игумен Даниил)

С альбомом "Чикаго" под мышкой вдоль перрона идет тощий рыжеволосый подросток-еврей. Прибывает поезд из Питера. В нем едет друг-идиот, исключенный из института за неспособность быстрее соображать (плюс водка). Теперь он поэт-полиглот, а рыжий — игумен в одном из северных монастырей.

Пять лет назад у рыжего перед храмом сжигали труды богословов, фамилии коих звучат не на русский манер. В дыму распался призрак шестиугольной звезды, являлся желанный титул "российский реакционер". Рыжий — с большой бородой. А придурок — без бороды. В Сан-Диего студенты к нему обращаются "сэр".

До обоих не достучаться. Расстояния, как ни крути. Версты, дали и прочее. Разве только сквозь интернет. Раз рыжий призвал художника. Тот провел неделю в пути, но был с проклятием выгнан, лишь только зашел в кабинет. Позднее он слег с инфарктом. Рыжий пытался спасти его всеобщей молитвой. Жаль, результата нет.

Придурок стал экуменом. Носил то крест, то кипу. По пятницам пил перцовку с нелегалами из Воркуты. Он жег ароматные палочки перед Буддой на книжном шкапу. Траву почти не курил. Но на заднем дворе цветы были с примесью конопля. Он ненавидел толпу. Даже великий Иосиф говорил ему "ты".

У придурка меж прочих диковин на полочке в уголке икона: нижеуральский местночтимый святой Симеон с удочкой на бережке. Лодка плывет по реке. Рядом — та же фигура в рост. Деревья со всех сторон. Выбеленная стена и церковь невдалеке, на корявых ветвях — несколько крупных ворон.

...Тогда, на вокзальной площади, они говорили о том, что в городе масса дури и классной музыки. С ней легче строить и жить, попыхивая дымком хорошего косяка. А вечером ждали гостей — двух телок из Измаила, с которыми рыжий знаком. Такой массаж, что мясо отстает от костей.

279-30-24 (Николай Федорович)

В общем вагоне едет архиерей. Кареглазый и горбоносый, что твой хасид. Говорят, у владыки дедушка был еврей. Три поколенья проклятье над ним висит.

Если скорбь имеет хребет, то это его хребет. Если ужас имеет лицо, то это его лицо. Он — обновленец. Нарушил каждый обет. Поезд едет в Самару. Столица взята в кольцо.

Известное дело — ноябрь, сорок первый год. Нетленные мощи Владимира принял город Тюмень. Если Москва, древо Руси, упадет, останется от державы огромный трухлявый пенек.

О благодатное древо, которое С. Ушаков нарисовал растущим до небес из Кремля! Сколько полков, волков, лихих вожаков, какие стаи носила эта земля!

Кто нам поможет? Зима или русский Бог? Поезд едет в Самару. Навстречу — воинский эшелон. Как ни войой, а в конце — неизбежный итог. Мир — или как там у нас? — шалом!

Архиерей молчит. Да и о чем говорить? Не судачьте, да не судимы. А он дважды судим. Разве вот у солдатака попросить закурить. Владыка идет на площадку и жадно вдыхает дым.

247-11-12 (спросить Сергея Анатольевича)

"Маме было тогда приблизительно столько лет, сколько внучке моей сейчас. Не скажу, от кого из них я дальше". Ладони лежат на столе. Лампа в стиле модерн. Цветной витраж — абажур.

Старик сидит нахохлясь у книжного шкапа в углу. Кличка шкапа — "орган". Разваливается в куски. Опять недодали тепла, а старик приучен к теплу. Приходится кутаться. Тапочки. Вязаные носки.

Суконная куртка в клетку на молнии. Шарф. Американская помощь. Такие были в ходу в первые годы после второй мировой. Шарм обстоятельства прошедшего времени чахнет у всех на виду.

Он отрезает ножом слоновой кости половинку чистого сложенного листа. Запечатывает в конверт. Просит меня: "Опусти в ближайший почтовый ящик". Вместо адреса — пустота. Старик глядит мне в глаза и говорит: "Прости. Вышел бы сам. Да видишь — погода нынче не та".

Начало двадцатого века. Скамейка в парке, река. Усадьба, резная беседка, цветная слюда. Кто же здесь встретит безумного продрогшего старика, когда ангелы в день Суда его возвратят сюда?

321-45-99 (Дима)

Вот он сидит у ворот на маленькой табуретке. Перед ним на газете разложен нехитрый товар. Сигареты поштучно. Семечки и орешки в кульках из пожелтевших страничек. На белой салфетке бутерброды с соленой тюлькой. Он недостаточно стар для такого занятия. Смотрит угрюмо. Мнет папироску в руках.

Его документы утеряны. Паспорт, диплом, партбилет, справка об инвалидности. Сын отдыхает в тюрьме. Мелкое воровство. Дни идут ни шатко ни валко. Приятели не приветствуют. Проплакав несколько лет, жена уже больше не плачет. Другая, себе на уме, грузная, рыхлая тварь, пригрела его в коммуналке.

Мы оба писали стихи. Он — выразительней, проще. Сидели вдвоем за столом. Потом он меня обогнал. Комитет комсомола, партия, начальственный кабинет. Когда в составе колонны я выходил на площадь, то видел его на трибуне. Он подавал сигнал. Ура! — откликались мы. А почему бы и нет?

Покуда была жива его сумасшедшая мать,
мы с ним иногда встречались. Она лежала в больнице.
Через меня он подкидывал деньги. Прийти ни разу не смог.
Извинить, что нельзя изменить. Принимать, что нельзя
понимать.

На одном из ночных дежурств на последней странице
ее больничной истории я подвел последний итог.

Он не пришел за телом. Ее схоронили за счет
заведенья. Некрашенный гроб. Вокруг щиколотки — резинка
с зеленой клеенчатой биркой. В начальствующих кругах
говорили: яблоня, яблочко... Сплетня обычно течет,
как вода по подземным трубам. Год спустя случилась заминка.
Точнее — растрата, следствие. Пятилетка — в зоне? В бегах?

Он сгорбясь сидит у ворот. Я покупаю орешки.
Долго роюсь в кармане. Вынимаю зеленый трояк.
Он протягивает кулек, не поднимая глаз.
Десять секунд рассматривает рисунок измятой трешки.
Я говорю: "Привет. Давно ли в наших краях?"
Наши взгляды встречаются. Должно быть, в последний раз.

~~240-33-87 (спросить Марину)~~

Это ты, Марина? Входи. Пальто повесишь сама.

Понимаешь, высокая вешалка, эти боли в плече.

(Никто не входит.) Зябнешь? Ну что поделаться, зима,
а батареи чуть теплые. Ты опять о враче,

но нечего тут лечить. Заходи, садись, оглядись.

(Стул отодвинут. Никто не садится.) Ну вот!

Опять на подушке разлежся! Брысь!

*(Кот, прищурив глаза, раскрывает рот,
выгибает спину, выдвинув лапы вперед,*

и убирается в угол.) Ты не спешишь? Тогда
я приготовлю кофе. *(С медной турочкой, семена,
он приближается к кухне. Из-под крана вода.
Две ложечки кофе. Сахар.)* Я сейчас. Ты слышишь меня?

*(Некому слушать. Снежный сахарный слой,
набрякая, темнеет. Сгусток идет на дно.
Сверху светлая пенка.)* Ты часто бываешь злой.
Жаль, что твои подруги с тобой заодно.

(Их с тобой заодно нет давно на этой земле.)

Вчера заходил в галерею. Продал два старых холста.

*(Чашка кофе рядом с пепельницей на столе.
Кромка чашки чиста и пепельница пуста.)*

Сергей Тимофеев

НАШИ ФИЛЬМЫ

Наши фильмы будут хорошими. В них будут танцевать маленькие инфузории. Если вы хотите их видеть, приезжайте в темное глухое место.

В наших фильмах всегда будут маленькие красивые актрисы. Если не красивые, то очаровательные. А если не очаровательные, то дисциплинированные.

В наших фильмах не будет смысла. Если он будет, примите наши извинения, мы о нем не подозревали.

Наших фильмов не будет.

Кое-какие из наших фильмов попадут за границу. Их изучат и отошлют обратно. Как, например, болезнь или нестандартную мебель.

Самые низкие потолки, самые злые собаки, самые потные турки будут в наших фильмах. Здесь же будут события в песочницах и мрак бесполезных рок-клубов.

У-у-у. Первая нота нашей музыкальной заставки. Максимальная осторожность и расчет, подушки под режиссером, пальцы оператора на ушах героини.

В каждом фильме будет маленький сентиментальный момент. Например, кто-то зарывает собаку, но на самом деле только притворяется.

У наших фильмов не будут врагов среди критиков и прокатчиков. Всем им мы вышлем открытки с текстом: "Вы – лучшие!".

В наших фильмах самолеты будут гудеть особенно внушительно.

В каждом подъезде будут прятаться солдаты. Некоторые – дезертиры, а некоторые – нет. (В наших фильмах).

О наших фильмах Британская энциклопедия сообщит немного.

Наши фильмы будут раздариваться нищим.

На просмотрах наших фильмов мы будем шутить. Например, садиться на колени дамам.

О наших фильмах распространится молва.

И мы станем знаменитыми, как и некоторые другие.

ЯЗЫК КАТЕРИНЫ

Три дня у меня было предчувствие черного языка. Стояла, молчала, курила, рассеянно улыбалась, ничего не говорила маме. И утром увидела – вот он! Совершенно черный язык в розовом рту, восклицательный знак в привычной физиологической прозе, тревожный звонок, телеграмма (молния). В ужасе позвонила в аптеку: "Скажите, как лечится черный язык?" Любезно ответили: "Язык человека обычно немного красный и черный немного. Это с какой точки смотреть, какую лампу включить..." Я бросила трубку. Кинулась в шоке к машине, с места рванула, четыре часа моталась по городу, разворачиваясь беспорядочно, руки дрожали, и озарило: "Есть же друг Доктор! С детства я помню, как он пил кофе на кухне и говорил о политике и литературе, подтянутый, свежий!" Опять к телефону: "Спасите!" "Спокойно! Скорей приезжай." Вот я у доктора, тот достает для наблюдений приборы из новых металлов, а я уверяю: "Черный язык мой видно отлично и так!". Он все равно приближается с длинной трубой, а я открываю рот. "О-о-о!" – с уважительным ужасом он отступает. Чернота черного языка абсолютно конкретна. Но доктор испугу не сдаст бороды и привычек. "Утомление, стрессы и творческий поиск, вот что виною всему, но таблетки помогут нам, белые, стойкие в цвете своем". Выпила пригоршню химии, села в машину, дома свалилась в постель и уснула. Встала на утро, глянула в зеркало – он! Розовый мой, незабвенный! Ворочается, нежится в утреннем свете. "Доктор, спасибо!" – я позвонила, но маме все равно ничего не сказала. Скрытной я стала, успев повзрослеть. Вообще говорить теперь стала я меньше, я как-то не уверена в цвете своего языка и боюсь в глазах собеседника узнать отражение черной полоски, плоти упорной, чужой.

ПАПА И РАМЗЕС

Папа вошел в пирамиду, Сказал, что она построена неверно. Долго хохотал над стыковкой Каменных блоков. Прикорнувший Рамзес IV взялся было защищать Своих строителей, но тщетно. Папа пошатал один блок – пирамида Затрещала, он перестал – и туристы Вздохнули облегченно. На закате солнца Папа и Рамзес IV сидели на верхушке пирамиды, Пили привезенную русскую водку. Папа Что-что чертил, объяснял, разбирал На пальцах. Рамзес поминутно вспоминал Имя Бога Гнева, а потом, махнув рукой, Завел какую-то протяжную песню.

Папа слушал, подперев голову рукой И прислонившись широкой спиной к Жертвенному алтарю. "Напортачили Все-таки египетские товарищи", - сказал Он коллегам по возвращению в Москву. В институте его ждало еще несколько Неразрешенных задач. "Все это - вопрос времени, Не более того" - говорил папа, обливаясь Холодной водой в институтском дворе. Он стоял там в кедах и черных тренировках. Около трех он всегда выбегал из прокуренного, Продуманного здания института и разминался Тут же во дворе. А потом в ход шла ледяная вода, И по свету черной изогнутой настольной лампы В окне его кабинета, который гас где-нибудь около Полуночи, выключенный решительным щелчком, Становилось понятно - задача решена. Папа приходил Домой, когда мы все уже спали, а ужин стоял, Завернутый в фольгу, на столе. Папа жевал мясо И думал: "Как там Рамзес, надо будет послать ему Новогодною посылку, пачку печенья, бутылку водки, Вязаные рукавицы..." Рамзес дремал с полузакрытыми Глазами и в его древних зрачках Луна быстро вращалась, Составляя светящуюся восьмерку, символ бесконечности.

ВОРЫ

Здравствуйте, мы воры из провинциальной гостиницы. Ждем, пока кто-нибудь не загуляет, А можем и подсыпать клофелина в коктейль. Потом будем долго шарить по карманам, Отнимем бумажник и часы. Просто мы очень любим деньги. И у каждого есть своя цель в жизни. Я хочу большой дом с огромными постерами "Металлики" на стенах. А он хочет джип Хаммер, чтобы кататься кругами По главной улице, время от времени приспуская стекла, и орать: "Я имел вас и этот город!" Но обороты у нас не очень. Кто сюда ездит? Романтические парочки да менеджеры по продаже шведской косметики. Мы чистим им карманы без сантиментов. Но этих денег хватает разве что на жизнь. Живем мы скромно, снимаем гостевой домик, купили недавно музыкальный центр Тошиба, а вот на машину не хватает. И вечерами на заснеженной улице под редкими фонарями передвигаются две укутанные фигуры. Это мы идем на дело, в бар гостиницы. Его хозяин имеет долю. И еще по уговору с ним мы действуем аккуратно. Не бьем по лицу, не ломаем ребер. И оставляем Спящих не в снегу, а на крыльце. В принципе мы собираемся скоро двинуть в столицу. Есть контакты и вообще иногда хочется размаха, Понимаете. А то мы иногда мы сами себе подсыпаем Клофелина и грабим друг друга, чтобы не растерять навыки. Потом "жертва" просыпается со страшной головной болью, А "грабитель" уже наготове с холодным компрессом и крепким Чаем. В общем, живем себе потихоньку. Ну, конечно, Название гостиницы и что это за городок, мы не скажем. Да, может, мы и не надолго здесь останемся. Только не говорите, что навсегда.

ТИХИЙ БОГ

Мне некогда вспоминать, как я увидел
 Тихого Бога, но если надо, я вам расскажу.
 Я имею в виду - слушателям вашей программы...
 Мы ехали с вечеринки, большой компанией, пять человек,
 Я был за рулем, все остальные спали, перед этим
 Провеселились всю ночь. Было огромное облачное утро
 Повсюду, со всех сторон. Пышные кучерявые облака плыли
 С какой-то новой силой, как будто газообразные животные,
 Завидевшие своего хозяина, и теперь изо всех сил
 Стремящиеся подобраться поближе. Прямо над дорогой
 Впереди я увидел пробивающиеся сквозь облака
 Ровные струи света, они падали вниз торжественно
 Как лучистые лестницы или как складки великолепной
 Одежды. Невольно я засмотрелся, но как опытный водитель
 Сбросил скорость и ехал не спеша, будто просто катился,
 Вкатываясь в это великолепие. Я чувствовал себя как зависший
 Бильярдный шар, готовый через долю секунды опуститься
 В грандиозную лунку. Я держал руль и улыбался, я был
 Готов хохотать, но бесшумно. Струи света все приближались,
 И я понимал, что сейчас въеду прямо в них. Вокруг все
 Стало ярче в тысячу раз, и я увидел свои пальцы на руле,
 Как никогда в жизни, они стали полупрозрачными и в них
 Видны были жилки, косточки, нервы, они тоже светились,
 Изнутри, как янтарь. И я закричал, что-то, не помню что.
 Все проснулись мгновенно, думали что авария. А я кричал
 И кричал - не мог остановиться, успел только затормозить,
 И мои спутники вытащили меня из-за руля и повалили меня
 На землю, и били меня по щекам, и лили на меня воду
 Из пузатой пластиковой бутылки, и спрашивали: "Что
 С тобой, ЧТО с тобой?" А я не мог ответить и только
 Показывал на небо, откуда отвесно и непоправимо
 Спускался Бог, прямо нам на головы. И тогда они
 Наконец увидели и тоже закричали и бросились
 Врассыпную, оставив меня на земле. И свет наконец
 Стал ослепительным, а все вокруг просто белым.
 И я уже больше ничего не мог различить, всё
 Было одного цвета, всё было из одного света, и я
 Заплакал, потому что больше не мог кричать,
 И потому что вокруг стояла такая тишина. И в этот
 Момент Тихий Бог заговорил со мной, он сказал,
 Чтобы я не пытался вскочить и броситься в сторону,
 Он сказал: "Отдохни!" И я почувствовал, что свет
 Лёг мне на лоб как рука. И я вспомнил себя в животе
 У мамы и свернулся также и лежал, пока свет шёл
 Сквозь меня, словно колонны огромного невесомого храма,
 А потом всё кончилось, а я всё еще лежал и смотрел,
 Как свет отступает, уходит, медленно и печально. Нет, я
 Не пытался его удержать или догнать, но мне было
 Так грустно, как бывает, когда смотришь – ты выиграл
 В лотерею 25 тысяч, а потом поглядишь внимательней,
 А это билет из прошлого розыгрыша, в общем – мимо,
 И ты стоишь с ним в руке и думаешь: "Почему?!"
 Вот и я стоял и думал так: "Почему?!" Через час примерно
 Нашли меня опять мои спутники и без особых разговоров
 Мы опять сели в машину и поехали. Потом вернулись в город,
 Я всех развез по домам, приехал к себе, и лег спать.
 Проснулся утром, был понедельник, я лежал, уткнувшись лицом
 В подушку и ждал, но ничего особенного не происходило,
 И тогда я встал, умылся и пошел на работу. Теперь
 Каждые выходные я езжу по этой дороге взад и вперед,
 Но не вижу ни этих облаков, ни этого света. Я не могу сказать,
 Что стал примерным христианином или кем-то еще.
 Да и некогда там особенно думать, работы по горло,
 Лето, самый сезон. Но когда меня пригласили на радио,

Дай, думаю, пойду, может я не один такой, может
 Откликнется какой человек, по которому тоже
 Прошелся свет. И то было бы легче. Хотя не знаю,
 О чем бы мы стали с ним говорить, так, может быть,
 Помолчали бы вместе, пожали бы друг другу руки
 И разошлись. Вот такая история. Но если с кем-то
 Такое случится, не бойтесь, а потом... напишите мне,
 Пожалуйста... Адрес в редакции. До свиданья!

Анастасия Афанасьева

ДОМАШНИЕ СТИХИ

* * *

Была соседка Маша. Всегда была.
 Не стало как-то внезапно.
 Сначала слегла,
 Отвезли в больницу, потом обратно.
 Через день потеряла сознание
 И больше не обрела.
 Внуки до похорон стали делить квартиру
 Ругаться, потом всё же оставили одному.
 Маша была биолог, она собирала мусор –
 Всё тащила к себе. Когда внуки пришли,
 Квартира была как большая кладовка:
 Повсюду коробки, какие-то штуки,
 Множество паутины, ни туалета, ни воды
 И две небольшие тропинки: одна на балкон,
 А другая – к самодельной лежанке.
 У Маши было несколько котов и собака.
 Мусор вынесли, котов и собаку вывезли.
 Теперь внук живет по соседству.
 От Маши ничего не осталось, кроме этого текста.

* * *

Квартира ниже пустует уже шесть лет.
 Там жил сумасшедший сосед.
 Шесть лет без выписки на Сабурке
 Он ждет, когда ему присудит нобелевский комитет.
 В детстве он говорил о себе в третьем лице.
 Мама любит его цитировать: "Что с Гришей?
 Гриша упав у калюжу"
 Жил с отцом, с которым был холоден и жесток.
 После смерти отца я слышала внизу нечеловеческий вой:
 Это Гриша кричал о прощеньи
 Гриша упав у калюжу
 Очень скоро он начал бредить о КГБ
 И Нобелевском комитете

* * *

Соседку с первого этажа звали Ида Зусевна
 Она давно умерла
 Выбросилась из подъездного окна с пятого этажа
 Страдала бредом преследования
 Все об этом знали
 Дети подбрасывали в почтовый ящик записки
 С угрожающим текстом
 Рисовали кресты на ее двери
 Ее нашли мертвой ранним ранним утром

* * *

Другая соседка с первого этажа
 После смерти мужа у нее началась затяжная депрессия
 Лечили всем потом электрошоками
 Этого не выдержала

* * *

Этажом выше живет бездетная пара
 У них карликовая пуделиха
 Они повязывают ей розовые бантики
 Делают серебристый маникюр
 Одевают распашоночки
 Возможно, учат говорить
 Лечат сердечную недостаточность
 Развившуюся от ожирения

* * *

В соседнем подъезде живет Саша-химик
 Окна не мыли все тридцать лет
 Его мама говорит: нельзя, возле окон книги
 Саша ставит опыты
 Никогда не выходит на улицу
 Скоро и у него нобелевская премия

* * *

Их еще очень и очень
 Очень и очень и очень
 Невероятно много

* * *

И белыми лицами в небо
 Губы валторнами
 Руки подсолнухами
 Самый неслышный, но самый громкий оркестр
 Трубит:

*Жизнь прекрасна спасибо
 Жизнь прекрасна спасибо
 Спасибо спасибо спасибо*

САМОЛЕТЫ И КОРАБЛИ

Иваныч побил мамку за то, что неправильно воспитала,
 Иваныч выпил водки и был таков.
 Как она его раньше: порола, хлестала.
 Так он, здоровый, перегнул ее через колено и наподдал
 пинков.
 Иваныч обвинял маму в отсутствии денег
 и в том, что жена не даёт.

В том, что начинается понедельник,
продолжается понедельник,
что понедельник идёт, идёт и идёт.
Иваныч смотрел в зеркало и видел маму, винил маму
Иваныч избил мамку за то, что неправильно воспитала и
Особенно за то, что давно бросила одного на всей Земле
И лежит в земле

* * *

Мальчики воровали кукурузу с чужого поля
Вовке попали остроконечным камнем в висок
Тут же начались сопли и горе
Вовка сбежал домой, спрятал голову в песок
Через час вернулся: повязка на голове
Немного просочилось в области раны
Дворовая модель, красавец, пират
Вовку сделали капитаном
Капитаном чего – непонятно, просто капитаном
А девочка в соседнем подъезде с температурой сорок
С тяжелым гриппом лежала и видела, что
Вода разливается по телу, по потолку, по всему дому
Капитан старается, но вода неумолимо больше его
Глубже его, тяжелее его
И корабль идет на дно,
несмотря ни на что

* * *

Яблоки падают, как круглые красные самолеты
Отлетают хвостики, трескаются бока
С ними падают муравьи, как коричневые самолеты
Заползают в трещины каждого яблока
А потом приезжает хозяин сада
И подбирает плоды с земли
И муравьи едут из деревни в город, маленькая охрана
Того, что вот так просто взяли, подняли и увезли.
Один выползает на кухонный стол, мечется от края к
краю
Хозяин пересаживает муравья на дикий виноград,
Который тянется от асфальта и до самых окон,
до самой крыши
Хозяин спас муравья, хозяин рад
и хозяин дышит.
А муравей бежит и бежит
Но расстояние до дома больше,
Чем он способен пробежать за жизнь

* * *

Слабоумные дедушки Файгенбаум и Серый
перестилают кровати друг другу
На каждом обходе с утра
Ф. чувствует себя как вчера, а вчера
Как сегодня. С. находится на территории Гали
(Галя ему то ли тетка, то ли сестра)
С. 87, а он говорит – пятьдесят с хвостиком
и страшно злится, если его переубеждать.
Ф. иногда пытается убежать
Его привязывают за руку, а он, скелет тощий,
Переворачивает кровать.
Дедушки в больнице до "естественной убыли"
Некоторые уже выбыли
Доктора
После обходов стряхивают с себя паутину впечатления:
не дай бог такую старость
А корабли стариков плывут вперед морщинистыми
спинами
И удаляются, удаляются в туманную сырость
Издали
не различить – кто пассажиры:
старики, взрослые или детвора,
или мошкара

ТАБЛИЦА УМНОЖЕНИЯ

Тощая девушка
Пела и танцевала
О том, как за ней следят - напевала
О том, что в мыслях космический аппарат –
танцевала
А потом закрыла глаза и до больницы
не открывала
Приехала на "скорой", завернутая в одеяло
Лежала, не вставала
Чему-то улыбалась
Как восковая кукла изгибалась
У дежурного врача на шее МПЗ плеер
Шестьсот мегабайт Фицджеральд
I'm running wild, - Элла поёт

Американский праздничный оркестр
в неслышном сумасшедшем доме
Немое кино
Но не кино

* * *

Дедушка на плоту из собственных сосудов
 Плывет по волнам, по волнам, по волнам
 Плот расплетается, как одуванчиковый венчик:
 То там тромб, то там тромб.
 Дедушка сжимает последний капилляр
 Выныривает иногда, как рыба за мошкой
 Тогда вдруг узнает жену и дочь
 С каждым днем всё реже, всё меньше
 Дедушка уходит на дно, идет по дну как илоход
 Увязает глубже,
 разжимает кулак
 Последний сосуд всплывает
 Плывет
 Прибывается к берегу
 Девочка-внучка находит
 "Мама, что это за красная ленточка?"

Всё

* * *

Мама учила меня английскому языку
 Мама учила меня французскому языку
 Мама учила меня музыкальному языку
 Мама учила меня родному языку
 Я училась забывать английский язык
 Я училась забывать французский язык
 Я училась забывать музыкальный язык
 Я училась забывать родной язык
 Потом безрезультатно
 Я пыталась вспоминать английский язык,
 Французский язык, музыкальный, родной язык.
 Потом я вспомнила, что мама меня
 раньше уже всему учила
 И зачем эти беспорядочные учебные связи

Какая же я промискуитетная обезьяна

* * *

Мальчик издает забавные звуки
 Похожие на вскрики маленькой обезьянки
 Против своей воли.
 Мальчик читает наизусть
 Белого и Блока.
 Понимает, - стихи о деревьях и молоке.
 Читает анекдоты из газеты слово слово
 На украинской мове.
 В паузах всхлипывает, взвизгивает, подвывает.
 Это – Алеша Прошин,
 он похож на маленькую обезьянку
 и у него феноменальная память
 А еще он счастлив

Вот и всё о нём

* * *

Вот таблица умножения:
 Дважды два равно четыре слова,
 Трижды три равно девять вдохов,
 Четырежды четыре равно шестнадцать всхлипов,
 Пять на пять равно двадцать пять вскриков,
 Шесть на шесть равно тридцать шесть пауз
 Семь на семь равно сорок девять жизней
 Восемь на восемь – шестьдесят четыре смерти

Только вот нуля не бывает

Ренат Гильфанов

ОЗЕРОВ

Что за новая блажь сердце мне заморозила?
Холод стянул гортань, и не нужны слова.
Вот стоит человек по фамилии Озеров.
Сутулые сильные плечи, кудрявая голова.
В смуглой руке стакан, в другой – полбанки
Вина, впитавшего ветер, неба закатный пыл.
Год назад к нему в сад забрались наркоманки.
Три обкуренных девочки. Озеров их убил.
"Помню, той странной ночью была гроза..."
Задумчиво смотрит мне в лоб сквозь треснутые очки.
Вздвогнув, с такой быстротою отводит глаза,
Как будто моё лицо обжигает ему зрачки.
Что он, старый, такое о жизни знает?
Зачем терзает ладонью засаленную седину?
Что он, оставшись один, из памяти вынимает:
Страх, тревогу, сомненья, собственную вину?
Я стряхиваю пепел. Пепел падает мне на брюки.
Слышится визг детишек, хохот, собачий вой.
У Озерова нервно подрагивают руки.
Убитые девочки с неба кивают ему головой.
Алое солнце над Озеровым образует нимб.
У девочек нежные волосы в закатных лучах горят.
Озеров уходит в дом, чтоб присоединиться к ним.
Солнце заходит. Я выкуриваю две сигареты подряд.

КРЫМСКИЕ ЭЛЕГИИ

* * *

Он лежит на песке под тентом с книжкой аббата
Прево и говорит с улыбкой: "Сегодня, еще до заката
Я умру", - и, помедлив: "Становится холоднее.
Ты слышишь?" А я отвечаю: "Тебе виднее".
Смуглая плоть на скелете, как мятый пиджак из твида
На расшатанных плечиках, в чёрных глазах – обида
За жизнь, не похожую на содержание прочитанного романа.
Он тихо вздыхает, и сердце в недрах твидового кармана,
Как часовая мина, не разрывая пути
Проводков и артерий, отсчитывает минуты.
Тихо шуршат страницы, в пальцах дымится "Варта".
Через час с небольшим он скончается от инфаркта.
И только большая тень, как больная птица,
Будет лежать под тентом, не в силах пошевелиться.

* * *

Ночью здесь человек лежал, глядя в неба тьму,
Вперив глаза в отсутствие чего бы то ни было.
Рассеянная улыбка раздвигала губы ему,
Потом наступил прибой, но воды ни прибыло.
От жёлтой полоски света, крадущейся с корабля
По чёрному дёгтю волн, от мерного их брожения
Рыбы впадали в транс. И северный ветер, как конопля,
Бродил по извилинам волн, воспаляя воображение.

Лежащий глядел в то место, откуда бывает снег,
Где, обозначенный красной точкою,
медленно двигался к катастрофе
Самолёт, в котором совершенно чужой ему человек,
Подозвав стюардессу, с улыбкой заказывал себе кофе

ВАРИАЦИЯ ПЕРВАЯ

Грузный мужчина в панаме пьет из пластикового сосуда
Газировку и цедит: "А ну-ка пошел отсюда!"
Тощему парню с заплочным, запылённым, дорожным
Рюкзаком и ведром, наполненными пироженым.
"Мозг шимпанзе от нашего отличается лишь размером.
Это вот чмо в панаме может служить примером" -
Говорит мускулистый брюнет загорелой блондинке-подруге.
"Если пример неудачен, то я умываю руки".
"Зверёк обитает в среде, которая ему рада.
А для этого гада подходит..." "Среда Сабурада!" -
Подсказывает брюнет и с улыбкой, обнажающей щёлку
Между большими зубами, целует подругу в щёку.
Серебристое море не выглядит неба калькой.
Толстощёкий мужчина в панаме кидает в баклана галькой.
Камень не долетает, но, крылья расправив, птица
Взлетает на высоту, с которой людские лица
Выглядят, как бледные, вялые пятна.
И гордая птица не хочет лететь обратно.
Нет, ей намного приятней, взмывая над как бы спящей,
Мелкою рябью моря, птице глаза слепящей,
Проноситься, как выпущенная из Смит-энд-Вессона пуля,
Покуда прическу волн не взерошила буря.

ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Выхожу из кафе. Закуриваю, не глядя по сторонам.
Руки покрыты загаром, как труба дымохода – сажей.
Детки у лотка мороженщика щебечут: "А нам! А нам!"
Крики мокрых девчонок долетают с пляжа.

Мягкой, упругой походкой подхожу к продавщице.
Угощаюсь пивом. Продавщице дарю шоколада плитку.
Она смущена. Я молча разглядываю её ключицы.
При этом мои губы изображают улыбку.

Затем отправляюсь на пляж, открывая по пути пиво.
В навозной лепёшке шавка выкусывает из паха блох.
Старушки продают семечки и перезрелые сливы.
За всем этим с неба внимательно наблюдает Бог.

У меня к нему, разумеется, ноль претензий.
(Чёрт подери, какая-то двусмысленная фраза.)
Собака, выбравшись из навоза, мочится на куст гортензий.
Тихо шуршит крона не обоссанного еще вяза.

С миром что-то случилось. Это болезнь.
Зараза соседствует с грязью, а в мире полно грязи.
Я б предпочитал не вмешиваясь наблюдать эту самую жизнь.
Её отпечатки, её переплетенья, связи.

Увы, это невозможно... Я был увлечён Кристиной.
У нее были удивительно красивые отпечатки
Пальцев. Время оплетает наши тела паутиной.
Поэтому она редко снимала перчатки.

Я знал одну юную нимфу. У нее был бритый лобок,
Серьга в левом соске и зеленая прядь на темени.
Время плетет паутину. Я – распутываю клубок.
Тем самым я как бы противоречу времени.

Чепуха насчёт времени. Я сказал это, чтоб подчеркнуть
Уровень пустоты, доводящий до исступления
Мой обессиленный разум. Я продолжаю путь.
Впереди меня ждет тоска и нераскрытые преступления.

Павел Настин

[где польша]

я еду по направлению к госгранице
по своим рабочим делам
в голове вертится один такой отрывок

*хохол и хачик подкрашивают стареющую столицу
в которой время теряет способность длиться
новые белые люди держат в руках синицу
но она задохнется поскольку птица*

машина скользит на шоссе зима
по обочинам спиленные деревья
они состарились
они могут упасть
в сильный ветер
могут перегородить дорогу
может случится беда
быть человеческие жертвы
их разрезали поперек зимой
они стояли черные черные
без листвы голые спали вместе
обнявшись вместе
в ряд стояли раздетые
только ворс у них синего мха на торсах
их спилили во сне
они продолжают спать
головами в кюветах

однажды двадцать пять лет назад
мама захотела увидеть город своего детства
и отчим отвез нас туда на своей красной ладе
я стоял у самой границы
у памятника князю багратиону
смотрел на чугунные пушки времен
мама!.. мама!.. где польша?
там!.. она махнула рукой
там были какие-то кусты
какие-то холмы
нет какие-то буераки бугры
была какая-то местность
непреодолимая частность
не может быть чтобы там была польша
наверное настоящая польша
дальше чем мой взгляд
далеко далеко
мама где гдыня?
там!..
кусты забор проволока
я расстроен
мне ничего не видно
такая клетка
из которой даже ничего не видно

в этот раз у шлагбаума
меня опять приняли за поляка
пан! пан!
а я не поляк
я русский

на обратном пути
я видел на вершине дерева у дороги
большую бурую хищную птицу
мне показалось
у нее *человеческое* лицо

[карболка]

место жительства лица
без определенного места жительства
определяется в момент смерти
и городские санитарные власти
старательно помечают его
карболовой кислотой
запах которой еще полгода
будет стоять в подъезде
впитываясь в стены
коврики для ног
обивку дверей
верхнюю одежду
недовольных обитателей
многоквартирного дома

*под внешний шорох тающего снега
покинутое человеком тело
плывет над лестницей
пролет еще пролет
несомо а точнее невесомо
и перевозка у подъезда ждет*

[77]

Во рту как в Датском королевстве очень стыдно

*как утром перед самым детским садом
где неизбежны Валька переросток
и халатная воспитательница
где я
шерстяной комок в детской варежке
и бог
катает меня
между большим и указательным пальцем
хочет меня оформить
как-нибудь сотворить*

а я маленький важный
прогуливаюсь перед верандой
и говорю Тамаре Клавдиевне
знаете Тамара Клавдиевна
в Иране политический кризис
неужели?

откуда ты знаешь?
смотрел телевизор
надо же какой способный мальчик
в четыре года знает
слово политический
слово кризис

Тамара Клавдиевна вы не поверите
здесь все та же слякотная зима семьдесят седьмого
в Иране политический кризис

и цепеллины "Розенкранц" и "Гильденстерн"
в аэропорт Девау не прибудут.

[по лицу меня били редко]

по лицу меня били редко
и всего один раз в подворотне
на центральной улице ленина
в керчи в середине восьмидесятых
зимы были особенно безнадежными
и старшеклассники из шпаны
мелочь у нас изымали как феодалы

виталик заметил меня на улице
завел в подворотню врезал по носу
я достал из своих серых брючек
железный рубль с профилем
владимира ильича ленина
выпущенный к столетию со дня рождения
разжал ладонь отдал монету и мог быть свободен

мне было четырнадцать
и я еще на что-то надеялся
занимался в химическом кружке
на станции юных техников
думал буду полезен родине

а родина грянулась оземь
обернулась одутловатым виталиком
я вернул ей украденный у нетрезвой матери
железный рубль с лениным
и пошел восваясь
митридатскими переулками

[язык жестов]

старушки
содержат кошек
и прикармливают
дворовых собак
дети спились
разъехались
и ждут когда
освободится
жилая площадь
а собаки
хорошо понимают
язык жестов

* * *

угорелые
петр и меншиков
носятся туда сюда
азов нарва петербург
постепенно на карте
появляется
размытое пятно
это россия

обычно ее обозначают
розовым цветом

крепленое вино
речная вода с кровью

* * *

безбилетный
по службе в пятнах
подполковник милиции
лично осматривает
зрительный зал
заглядывает под кресла
высматривает опасности
по случаю приезда
накрашенной и разодетой
эстрадной звезды
певички как сказали бы
в недавнюю старину
она прибудет
в восемнадцать тридцать
в белом линкольне
взятом напрокат
одном на весь город

* * *

с глубокой резаной раной
с головой рассеченной на две
части теперь уже мертвый
дельфин раз и выплывет
из-под латунного винта
и выброшенный на берег
станет тусклым
как шаровый сторожевик
выброшенный на берег
внезапным разоружением
в силу опыта безоружных

потом через двенадцать
лет в августе я нашел
в руинах рубки
лоцию черного моря
и читал названия
знакомых мысов
со слезами
это такая
с детства
у меня
память

* * *

на рынке у старьевщика
по цене четыреста рублей
в таких летал гагарин
и с браслетом
бери легко
летали и в браслетах

Канат Омар

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

камера ищет нужный ракурс
 мужик проходит с помойным ведром
 бабушка с внучкой стоят у подъезда
 крыса плеснула в трубе
 трубу на поверхность тянет сантехник
 с проточиною в голове
 трубе всё равно она провалилась
 дурная болезнь склизкий подвал

наезд укрупнение яркая завязь
 по горло в воде качнётся шипя
 под самой подошвой и видишь в разломы
 асфальта как щурится злясь
 зелёный клыкастый в гремящих проходах

за домами неотложная помощь
 скорая на приговор
 срывается на фальцет и подумаешь не к нам ли
 рвётся в дальнем квартале

переставляем штатив меняем точку
 ветер приносит шуршащий китайский пакет
 стёкла вынимаем протираем небо
 наводим фокус на паучка

* * *

осенью особенно трудно без вкусного яда солдатам
 на самой кромке дикого поля
 холодно и мрачно там уже не успеют
 вертолёт с санитарями-оборотнями
 бабаёшками с порхающими крылышками

бурой от самосада слюной плюнуть на всё и выдернуть
 из розетки клубящийся шнур сходить налево
 не в ту степь а в ту смерть ступая по водам
 потому что на львином мостике не был
 испуганный громом в сырую полночь

потому что забыл жёлтую горечь зари
 костяную ногу ягу
 задушенного на дне колодца
 доходного дома с памятником поодаль
 в скверике со школьницами и голубями

* * *

а зовут её Неспала
 денег нет и работы в ауле нет
 потому и в столицу перебралась
 и землицы отмерила и построила дом
 и не дом а скворечник из птичьей фанеры
 как-нибудь перебьётся пока
 что ей акт государственный что бульдозер на крыше

* * *

долгие долгие очереди
 в маленькие лаборатории
 выкрашенные в свежее бежевое
 просушенные феном
 где с тугой накрахмаленной кожей
 выглаженной без единой морщинки
 неслышно
 сестрицы в коротких халатах
 дышащие медицинским спиртом
 раздают инвалидам и детям
 нет не ампулы смерти
 а смех с хрипотцой
 пляску склянок в стеклянном шкафу светотени ложбинки

* * *

со смертью старушки
 куры перестали нестись
 перемёрли утки
 гуси делись куда-то
 а лебеди

уже никогда не сядут на озеро в солёной степи
 там за шоссе

или в сером лесу за рекой

хотя какой же там лес
 так последыш
 весь молодняк ушёл на дрова
 той же зимой
 для опухших от водки и хлеба сельчан
 а тот что остался
 сгорел
 в апреле на годовщину

* * *

о принцесса будур
 с чёрным бархатом родинки
 над влажным
 над выпуклым очерком губ
 выходящая из дымных дверей
 общественной бани
 выносящая в прозрачных шальварах
 всё о чём грезят курильщики опиума
 этот очерк стоящих торчком
 всем напоказ
 этот визжащий в истоме полудня
 всеми красками всеми запахами
 маленький самаркандский базар
 неосязаемый
 проходящая улочками
 замершего от восторга и ужаса
 города
 белого и бесстыдного
 в жаркие щели меж ставен
 подглядывающего
 хрипло

Мария Глушкова

ИЗ ЦИКЛА "КЪЯРА. ИЗ ЖИЗНИ РАСТЕНИЙ"

1.

"Кьяра считает, что позабытые гнилые бананы, которые мы нашли под столом, пахнут горгонзолой"

Кьяра считает, что скоро придёт на побывку бог -
спросит: - ну как ты, Кьяра? -
и ей придётся ответить, что всё в порядке, получена телеграмма-
мама пишет, что дома - в провинции Катманду - ещё не рассыпан стог.
что её, кьярин, счёт ещё не перешёл за сто.

Кьяра работает счетоводом, учится в аспирантуре, у неё перспективы роста -
она изучает, отчего на деревьях растёт короста,
больно ли дереву, если в него пуляют
из рогатки;
больно ли, если вокруг гуляют
люди - лепечут, раскрывают чужие тайны.
а тут и рта не раскрыть - не пролепетать ни дай, ни
на, ни про то, что: на другом берегу поднимаются воды.

Кьяра работает счетоводом.
и когда они - то есть воды - выходят из берегов -
у Кьяры в туманном Лондоне перехватывает дыхание и не хватает слов -
то есть - цифр - чтобы вычесть из ста - девяносто,
из восемнадцати восемь.

Кьяра изучает как вырастают травы,
потом их косят,
как они остаются живы,
становятся сеном,
собираются в стог,
как им не больно,
как - больно.
в общем - как травы отматывают свой срок.

и случись когда Кьяре и вовсе не вмоготу -
Кьяре приходится постоянно говорить на чужом языке, английском;
на английском слушать прогноз погоды -
она выдает эту слабость за немоту.
слепоту, глухоту, всё, что оканчивается на ту,
всё, что оканчивается на kiss me -
бог её трогает за плечо и говорит ату.

Кьяра работает счетоводом.
а в провинции Катманду
воды выходят из берегов.
воды.

2.

"...рейсовый автобус "софия-гоце-делчев" выползает из столицы в пегие поля..."

половину всего времени Кьяра не думает о себе как о женщине – берёт песочные часы, наблюдает за жизнью песка-как он перетекает и перетекает. потом затекает рука, приходят месячные.

ни в один дом так не открыты двери –как в Кьярин дом-где бывают все – бездомные, нищие, просто псы. Кьяра посиживает на диване - скрестив ноги, закрыв глаза. за Кьяру поднимает рюмку, предлагает тост рука, переворачивающая песочные часы. все пьют, молчаливо выражая "за".

Кьяре делают микрофон погромче – она не может без микрофона вспоминать погибшего пьяного солдафона – который хотел увезти её в Пенсильванию, но сильно пил. однажды перебрал, ушёл добровольцем на фронт, был убит, про неё забыл.

а после грозы с деревьев опадают ветки. Кьяра думает – что лучше выбрать – путь в Пенсильванию или конфетки-помадки сладкие, шоколадные пралине?- что на этот раз будет достаточным и вполне заменит все возможные удовольствия: вид из окна на бетонные плиты аэродрома – взлётной его полосы, руку, переворачивающую песочные часы.

3.

и тогда допишут для Кьяры: ты мила мне, но – увы - лежишь на таких больших простынях, что пронзает пах.

оттого – мол - не растянуться на них, оттого – мол - стою в дверях. как птица стоит на ветке-старый усталый дрозд-в дверях, ведущих в квартиру без всяких удобств.

и когда - допишут они для Кьяры - ты приподнимешь веки-ты увидишь, что двери открыты – ну как прорехи на фланелевых брюках бруклинских работяг.

когда ты приподнимешь веки – как поднимают стяг - как сдаются на милость - я войду в эти двери. с места дневного сдвинусь.

и когда - допишут они для Кьяры-
ты родишься заново-
не биологом,
не оперной певичкой с просевшим от сигарет контральто.
а родишься заново –темноволосой девочкой из провинции Катманду,
осиротевшей птичкой-
я возьму тебя за руки.

4.

"керосин, бечёвка, свиной жир"

эфиопия. боже мой. эфиопия.
нет, ты слыхала – как там погибают, Кьяра?
а ты ещё жалуешься – как же жить, как же жить. из бурьяна
выдираешь какие-то мутные цветы.

помнишь, у тебя был парень – не то, чтобы постоянный –
а так – придёт, понюхает эти твои цветы, посидит да уходит.
помнишь, Кьяра, у него ещё тут, ну вот тут вот, вроде
на предплечье - татуировка – "я легко за тебя умру. энди роддик"
ты ещё спрашивала – ну и к чему? к чему?

Кьяра, а в эфиопии, кажется, растут дубы.
или я, может, вру.

два же часа как ты меряешь эту дурацкую юбку, Кьяра.
всё равно что рыба, вытщенная из резервуара –
хлопаешь ссохшимся белым дырявым ртом.
в эфиопии – Кьяра - дом это не то чтоб дом-
стены там, потолок, линолеум в клеточку равномерный-
дом это пока за тобой не пришли милиционеры,
миллионеры, просто чужие люди.
в эфиопии – Кьяра - дом это всё равно что дуб,
бог, резво скачущий на верблюде,
лошадиный круп,
тёплый птичий помёт,
живот - коричневый дни напролет – живот-
словно кусок земли, снизу покрытый мхом-
ну что ты хлопаешь ссохшимся белым ртом.

ну – Кьяра - вспоминай: дважды два-четыре.
в лаборатории ночью подохла крыса.
вспоминай - Кьяра - числа, вспоминай - по порядку – числа.
представляй, будто ты в Катманду и несёшь коромысло-
сидя в этой своей заплесневелой квартире-
в этом доме, который идёт под снос - вот сейчас - раз – два - три-четыре-
среди мутных - выданных из бурьяна –костлявых- роз,
среди створок оконных - хлопающих на ветру-
в эфиопии – Кьяра – кажется - растут дубы,
горизонт белёс.
или я – может - вру.

5.

"публика - французы и сочувствующие - раскупила все билеты за два часа до начала"

нет у тебя ни прошлого, ни позапрошлого.
в какую позу ни становись - а - больно.
на дальних лугах в Ирландии чутко пасутся кони.
изнанка памяти превращается в крошево.
в месиво, в волшебное зелье из девиза пионерской дружины.
что же ты - девочка - нужно креститься, а ты не крестишься.
который день в графском саду скрипят и скрипят пружины.

*мама написала, что в Катманду начинается посевная.
написала, что очень старается всё успеть, но всё же не успевает.
мол - в горле першит, глаза слезятся, а рот зевает.
мол - сперва будет посевная, потом - уборочная. у сарая
подгнили балки. озеро разливается. сосед ежедневно заливает зенки.
помощи никакой.
в горле першит да дрожат коленки.
а до Лондона – пишешь ты, Кьяра - подать рукой.*

девочка, если становишься на коленки-
то голову надо ниже, ещё пониже.
ты не думай, что - грязно -
мол - что за лужа да что за жижа.
ты молиться пришла за кого? убиенного мужа?
что суждено - от того не уйти. к тому же
юбку могла бы надеть и подлиннее -
дни всё короче. ночи темней, чернее.
дни сочтены. в республике Эритрея -
сегодня сказали – бах - и потухло солнце -
теперь все жители Эритреи смотрятся в зеркальце и оконце -
у меня вон такие же постояльцы.
чего это у тебя пальцы как лёд, холоднющие пальцы?

*мама написала, что в Катманду начинается посевная,
что - пусть исполнится, доченька, всё, что ни пожелаешь -
в твой день рождения - в светлый июньский полдень.
у меня лепёшки из кукурузы сейчас на полдник.*

6.

Кьяра думает, что до чёрта ещё учиться-
потом будет практика в лаборатории, потом больница,
из которой выход – только в цветущий сад –
и ни одного назад
шага не сделать – чтоб не прогневать бога,
небеса, небесного носорога.
чтоб не захотелось порезать вены
в рекреации за двадцать минут перемены
между лабораторной работой и лабораторной работой
по понедельникам, пятницам и субботам.

у Кьяры глаза зелёные, жизнь простая,
тело как яблоня налитое.
каждое утро Кьяра встаёт с постели – простоволосая и пустая –
спрашивает – господи, что со мною.

Марина Астина

* * *

Горят костры, кипят котлы
И даты подошли,
И девочка из подводной мглы
Вступила в круг земли.

Ей неприятен хлеб земной,
Запретно ей вино,
Иначе не уйдет домой,
На ласковое дно.

Шкатулка с солью, как алмаз,
Горит в ее руках –
Отцовский дар, бессонный глаз,
Помощник во всех делах.

Ее не вычерпать до дна,
Не скрыть в песок морей,
Она до смертного одра
Пребудет вместе с ней.

Она перемалывает свет
И воздух выдает,
Про толщину и плотность лет
Шарманкою поет.

Так рыбы ходят в темноте,
Губами хлеб кроша.
У них во вздутом животе
Бессмертная душа.

* * *

Далече тщеславец, внешней природы пасынок.
Патокой пои, потакай, друг.
Разве любимец посуху посохом
Путь пролагает в моря загром.

Он продел народ в ушко пролива,
Свил свой путь в нить.
Он прошел неводом, крепкой сетью,
Увлекая круглооких рыб.

Где ходило войско стопой стоятой,
Ходит один неуступчивой пятой.
Тварь земную, вод водитель, руд радетель,
Облагает ватой золотой.

Глашатай опустил черепичные веки,
Разбил красный кувшин молчанья.
Так родилась весть о крупницах непрошенных,
Из уст устья вышли нежеланные гости.

Как вода, изливается речь говорящего,
И поток его речи – патока.
Его друзья сидят по ступеням каменным
И судят судьбу речных путников.

Тяжело вкатывать на небо солнце,
Плодородное, овощное,
Поднимать с постели дитя сонное,
Сердце темное, ночное.

Но пришел герой, как вор или птица,
Чьих шагов дыханье темно.
Рожденный в горе, как в роговице
Зрения маковое зерно.

Кто зерна розни разбросал на площади,
Салом смазал свары путь?
Телец в теле повержен в жертву,
И как дом вознесся дым.

На осях повернулись крылья ворот
Навстречу герою.
Он, вращаясь, веретеном идет
И землю мнет пятою.

Всегда над ним птица одна,
Всегда змея следом,
Голоса из каждого огня
И сон над каждым камнем.

О герой, прославленный в каждой травинке,
В каждом камне у стены,
В птичьих криках, глиняной пыли,
В мелких семечках цикад.

Как термиты-строители, ревнивцы-муравьи,
Как ладные идола влажных улиток,
По многоступенчатым порогам
Он рассказывает о своих делах.

Он дом житья построил. Он детей возрастил.
Он прошел от востока на запад.
Он древесное сердце постиг. Он водитель воды.
Он исчисливший бисер числ.
Он составил дворцовые соты. Он их медом наполнил
живым.
Он нашел начала шара и сферы связь.
Он зерна розни глубоко в землю зарыл.
Он поставил стражу у каждых ворот.
Ничего не забыл господин.

СИД

А помнишь ты, судьба слепая
Тебя вела, богиня пела,
Потоки крови проливая,
Ты поднял родину из пепла.

Еще не постланы постели,
Судьба готовит ложе.
Великий государь Кастильи
Гуляет в новой коже.

Пока награда ждет героя,
Его отечество ликует,
Ему недобрый путь устроен
В страну далекую, лихую.

Но он вернется, он вернется!
Ты жди его, героя.
И снова жизнь его начнется
С прекраснейшей, с тобою.

В чужой земле темнее небо,
Бледнее солнце.
Во рту изгнанника монета,
Но он проснется.

* * *

Бесстыдными словами говорлив,
Он обречен, он обречен.
Из тьмы пелен и из пластов проливов
Певец выходит фараон.

Из пены день рожден! – И шлюпки шлют,
И ходят по остывшим берегам,
Отыскивая солнечный приют.
Огонь гуляет по волнам.

Кто дивный стебель возлелеял-возрастил?
Кто сердце к сердцу приручил?
    Двойные створки – арки, двери,
    Дрожали звуки-пауки, в углах висели,
    Так душу-игрушку охраняли от потери
    И хоронили в тесном теле.

А она встала вокруг, по оба края,
Золочеными косточками играя:
Какой вынешь камень, подруга дорогая,
На тело, о доле его гадая?

Душа охраняющая не знает,
Куда тело без нее уплывает

челноком по реке,
несомо венозным током,
водным соком,
скорлупкою налегке,
капель по тростнику, –
как я тебя покину?
Из сердца лодочку точеную
выну, как сердцевину.

Игрушка – человек, ручки, ножки,
Строение его – строение матрешки,
Чередование души и тела,
И нет ему покоя, нет ему предела.

* * *

Воды странствия раскинули свои сети –
Гамак молвы над бездной небытия.
Наперстком завертелось на небе солнце.
Как из груди клинок, на берег вышел герой.
Он лук вскинул, прямо в солнце попал.
Стрелу пустил, и осеклось колесо судьбы.
Он из чаши опыта круглые глотки глотал,
Он солнце на небо водрузил, грузное, во плоти.
    Но глоток в глотке, как ласточка,
    Как верная в горле кость,
    Как дитя в хитроумном кувшине
    Для выращивания в плотьмах.

Он спать с копьем ложился, с мечом вставал.
В клетке костяной крутился, как белка в колесе.
Он воздвиг фундамент равенства, торжества пьедестал.
Вольный воин, герой-ревнитель, герой-герой.
    Не ласточки ль тело стачали, слюной скрепив?
    Он кувшины лушил, как гороховые стручки.
    Выходили дети – маленькие клубки,
    Молельные сосуды, могильные светлячки.
Как приварок в котле времен, в воздушной кости.
Герой руку тянул, клятву приносил.
Он дожил дотла, как душа во плоти,
И птицу дыхания отпустил.

Об авторах

Леонид Шваб

Родился в 1961 г. в Бобруйске. Окончил Московский станкоинструментальный институт. В 1990 г. переехал в Израиль. Живет в Иерусалиме. Работает в сфере информационных технологий. Публиковался в журналах "Солнечное сплетение", "И.О.", "Двоеточие", "Стропила". В 2004 г. вошёл в шорт-лист премии Андрея Белого. 2005 г. в издательстве "Новое литературное обозрение" вышла книга стихов "Поверить в ботанику".

Виктор Полещук

Родился в 1957 г. в Оренбургской области. Окончил Литературный институт. Жил в Душанбе, работал ответственным секретарем журнала "Памир". В результате гражданской войны в Таджикистане вынужден был переселиться в Краснодарский край, где живет сейчас (г. Гулькевичи). Публиковал стихи и переводы с персидского, таджикского, румынского, словацкого, болгарского, украинского и других языков в журналах "Знамя", "Дружба народов", "Арион", "Звезда Востока" и др. Участник московских фестивалей верлибра и коллективного сборника нового русского верлибра "Время Икс" (1989 г.).

Мария Степанова

Родилась в Москве в 1972 г. Публиковалась в журналах "Зеркало", "Знамя", "Критическая Масса", "Новое литературное обозрение" и др., альманахах "Вавилон", "Urbi", "Улов" и др., интернет-журнале "TextOnly". Автор пяти книг стихов. Лауреат премий журнала "Знамя" (1993 г.), имени Пастернака (2005 г.), [Андрея Белого](#) (2005 г.), [премии Хуберта Бурды](#) (Германия, 2006). Стихи переведены на английский, иврит, итальянский, немецкий, сербо-хорватский, финский и другие языки. Живет в Москве.

Сергей Круглов

Родился в 1966 г. Живет в городе Минусинске Красноярского края. Учился в Красноярском университете (отделение журналистики), работал в городской газете "Власть труда". В 1999 г. принял сан священника и ушел с литературной сцены. В 2002 г. по публикации в антологии "Нестолничная литература", суммирующей более ранние подборки в "Митином журнале", альманахах "РИСК" и "Вавилон", "Новой литературной газете", вошел в шорт-лист [премии Андрея Белого](#); в 2003 г. была издана книга избранных стихотворений 1990-х гг. "Снятие Змия со креста". В 2006 году новые стихи священника Сергея Круглова стали появляться в печати.

Андрей Родионов

Москвич Андрей Родионов родился в 1971 году. Детство и юность провел в Мытищах. В 2003 г. в издательстве "Красный матрос" вышла книга "Добро пожаловать в Москву". В 2004 г. в то же издательство - книга "Пельмени устрицы". 2005 г. - "Портрет с натуры", изд-во "Ультра. Культура". 2007 г. - "Игрушки для окраин", НЛО.

Павел Гольдин

Родился в 1978 г. Зоолог, преподаватель Таврического национального университета (Симферополь, Крым). Книга стихов "Ушастых золушек стая" (М.: АРГО-РИСК, 2006), публикации в журналах и альманахах "Вавилон", "Воздух", "Зеркало", "Крещатик", "Союз писателей", "СТЫХ", антологии "Освобожденный Улисс".

Дмитрий Шкарин

Родился в 1970 г. Окончил факультет психологии Красноярского государственного университета и Петербургский институт тренинга. Публиковался в журналах "Урал", "Уральская новь", в "Антологии современной уральской поэзии (1997—2003 гг.)". Живет в Екатеринбурге.

Линор Горалик

Поэт, прозаик, критик. Родилась в 1975 году в Днепропетровске, с 1989 г. в Израиле – окончила Беэр-Шевский университет по специальности Computer Science, работала в области высоких технологий. В конце 90-х выступает как поэт и как журналист (постоянный автор "Книжного обозрения", "Русского журнала", ряда глянцевого издания). С 2001 г. живет и работает в Москве. Автор двух романов ("Нет", в соавторстве с Сергеем Кузнецовым, и "Половина неба", в соавторстве со **Станиславом Львовским**), двух сборников короткой прозы, документальной книги "Полая женщина" (о кукле Барби). Лауреат молодежной премии "Триумф" (2003).

В 2007 г. в издательстве "Арго-риск" в литературной серии журнала "Воздух" вышла книга стихов "Подсекай, Петруша".

Борис Херсонский

Родился в 1950 г. Окончил Одесский медицинский институт. Заведует кафедрой клинической психологии Одесского национального университета. Публикации в журналах "Арион", "Крещатик", Книги стихов "Восьмая доля" (1993), "Вне ограды" (1996), "Семейный архив" (1997), "Post Printum" (1998), "Там и тогда" (2000), "Свиток" (2002), а также переложения библейских текстов, собранные в "Книге хвалений" (1994) и сборнике "Поэзия на рубеже двух заветов. Псалмы и оды Соломона" (1996). В 2006 г. издана первая книга в России ("Семейный архив").

Сергей Тимофеев

Родился 13 ноября 1970 года в Риге. Окончил Латвийский университет (филологический факультет, отделение русского языка и литературы). Работал в различных масс-медиа: придумывал и вел программу на ТВ, потом работал ди-джем на радио, делал авторские программы о современной музыке, играл как ди-джей на всех мероприятиях рижского проекта "Casablanca 2000" (эйсид-джаз, фанк, трип-хоп). Писал для нескольких местных газет и журналов (культура, мода, музыка). В 1999–м г. участвовал в организации текст-группы "Орбита". В ее составе занимался выпуском одноименного альманаха и организовывал разного рода поэтические акции и чтения. Осенью 2000 г. при участии Тимофеева в Риге вышел компакт-диск (аудиоальманах), где рижские поэты читают свои стихи на музыку рижских молодых музыкантов. Книги стихотворений: "Собака. Скорпион" (СПб., "Митин журнал", 1994), "Воспоминания диск-жокея" (Рига, "M-medija", 1996), "96/97" (Рига, "Casablanca 2000", 1998). Переводы стихов Тимофеева печатались в США, Австралии, Италии.

Анатасия Афанасьева

Родилась в 1982 г. Окончила Харьковский медицинский университет. Книга стихов "Бедные белые люди" (2005), публикации в альманахе "Вавилон", а также в Интернете. Шорт-лист премии "Дебют" (2003), шорт-лист Русской премии (2007). Живет в Харькове.

Ренат Гильфанов

Родился 28 августа 1972 года в г. Новоалтайске Алтайского края. В 1989-90 учился в Новосибирском электротехническом институте. С 1992 года живет в Москве. Закончил философский факультет МГУ. Стихи пишет с 1994 г. Стихи публиковались в сборнике "Солнечное подполье" (1995 г.), в журнале "Новая юность" (1997 г.), в журнале "Арион" (2000 г.). Множество публикаций в Интернете.

Павел Настин

Родился в 1972 году в Калининграде, где и живет. По образованию биолог. Поэт, фотограф, независимый куратор. Координатор проектов арт-группы "РЦЫ".

Канат Омар

Родился в 1971 г. в пос. Краснокутский Павлодарской области (Казахстан). С пяти лет живет в Павлодаре. В 1989 г. поступил на филологический факультет Павлодарского педагогического института, в 1990 г. уехал в Ленинград, в 1996 г. закончил Санкт-Петербургскую государственную академию культуры (СПбГАК). По специальности "режиссер киновидеостудии". С 1996 г. живет в Павлодаре, с 2001 г. в Астане. Публикации с 1988 г. в журналах "Простор", "Нива", "Аполлинарий", "Перекресток", "Арион", "Сельская жизнь" (самиздатский журнал, выходящий в поселке Коломяги Ленинградской обл.), "Новая Юность", в российских и казахстанских газетах. Участник литературных альманахов "Сквозь свет" (1990), "Прогулка" (1996), "Na barje" (1998), сборника "Явь и сны" (2001). Автор пяти книг стихов ("Это не книга", "Человек в квадрате", "К еще более бледным", "Сукно", "Замерзает вода"). Пишет стихи и прозу, написал также одну пьесу.

Мария Глушкова

Родилась в 1976 году. Литературные публикации в журналах "Арион", "Воздух", альманахе литобъединения "Пиитер", альманахе "Термитник".

Марина Астина

Родилась в 1972 г. в Москве в семье научных работников. Окончила Литинститут (1995 г., семинар поэзии Т.А.Бек и С.И.Чупринина). Эмигрировала в Израиль в 1999-м г. Живет в Иерусалиме. Печатает стихи в журналах и альманахах "ДН" (1990 г., №6), "Знамя" (1993 г., №9), "Окрестности". Стипендиат программы "Новые имена" (1991 г.). Премия фонда "Знамя" (1993 г.).